

ДЕНИС ПРОХОР

Новогодний роман

16+

Денис Викторович Прохор

Новогодний роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31728254

SelfPub; 2023

Аннотация

Три главных С. Сказочно. Смешно. Сингулярно. А в принципе разбирайтесь сами. Приятного.

Содержание

Глава 1. АПЕЛЬСИНОВЫЙ ЗАЯЦ	5
Глава 2. ВОЗВРАЩЕНИЕ	46
Глава 3. СТРЕНОЖЕННЫЙ АРГАМАК	70
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Денис Прохор

Новогодний роман

Посвящается городу Гродно

Глава 1. АПЕЛЬСИНОВЫЙ ЗАЯЦ

В ночь на 17-ое декабря город заболел оттепелью. От размягченного панциря реки ползла сырость, взбиралась по высоким плужным откосам и заполняла город нездоровой студенистой массой. Простужено чихали, отбивая четверти, еще днем тиликавшие нежным клавишинным боем, старейшие, по уверениям горожан, часы Европы на убогой госпитальной стене иезуитского костела. Озябшая богиня, вознесшаяся над каменной кифарой городского театра, простирала руки в немой мольбе, прося защиты, а вчера полная сил она обнимала ими небо. На пустынных улицах и простынях площадей таял крупитчатый, ноздреватый снег. Вода наполнила трещинки на мостовых, выбоинки на асфальте. Она забивала поры на городской коже, и город дышал с трудом. Все крупное и нескладное городское тело покрылось мелкой больной испариной. Навалившийся недуг принес с собой ощущение заброшенности и ненужности. Оставшийся без поводыря, ослепший от туманной слизи, город, спотыкаясь и падая, понуро брел от одиночества по одинокой дороге, ведущей в пустоту. Все покинули его. Те, кого окружал он заботой. Те, кем гордился. Те, кому разрешал многое. Они спали, а город уходил от них все дальше и дальше по одинокой дороге, оставляя после себя пустоту, а впереди находя

лишь одиночество.

На городской окраине, где начинались нарезанные бурами солдатскими ремнями, дачные участки, окруженная многоэтажной подковой, бодрствовала избушка с редким, покосившимся заборчиком. Оконца в шелудивых, красной краски, наличниках лучились, разглядывая дощатые удобства под дуплистым вязом, деревянные качели и обглоданный остов теплицы. Вдруг задребезжали стекла на веранде. Избушка заснула. Из веранды вышел человек. Он подошел к заборчику, отодвинул калитку, пристроил ее обратно, повесив сверху белый венок из проволоки. В середине подковы на уровне третьего этажа загорелся кривой клинок. Из-за приоткрытой гардины за человеком наблюдала важная старуха с надменным лицом заслуженной вдовы. Еле заметная улыбка коснулась ее губ и она осуждающе покачала головой. Старуха отпустила гардину. Перед ней, на солончаковом подоконнике, стояло рукастое алое в глиняном кашпо. Старуха тронула крендель медных волос пришипленных к затылку позолоченной булавкой. Она ухватила за стебель и приподняла растение. вместе с землей, упакованной в прозрачную пленку. Из освободившегося кашпо старуха достала коричневую коробочку, похожую на раковину устрицы, с выступающим рычажком. Старуха долго держала коробочку, пытаясь решиться. Она гладила рычажок. Смотрела на коробочку влюбленным взглядом. Так и не собравшись с духом, старуха положила коробочку в кашпо и вернула алое на место. После

этого она взяла арабский кувшин с вытянутым горлышком и начала поливать алое, тщательно, начиная от стебля, расширяющимися кругами.

Человек, вышедший из избушки, направлялся в центр. Под мышкой он нес перекрещенный бечевкой сверток. На человеке был кожаный плащ и шарф дичайшей расцветки. Человек шел особой почтительно-семенящей походкой, носки ставя вовнутрь. Он наверняка заблудился бы в белесой пелене, но ему помогали фонари. Долговязые и сутулые, одетые в сутаны из собственного рассеянного света они создавали своеобразную путеводную нить, держась за которую человек добрался до Старого моста. Он коснулся украшенных орнаментом перил. Вздыхала река под ледовыми латами. С земляного холма над рекой падал гранитный скол Старого Замка, цепляясь за кучевой свод серебряными шпильями. За мостом сутулых монахов сменили элегантные лакированные трости с алебастровыми набалдашниками. После театра и сквозного липового сквера с танком-привратником и фонтаном потянулись купеческие особняки, увешанные рекламными неоновыми цацками. Здесь все было розовым, все имело сердечный цвет. Розовый силуэт главной елки на пяточке перед круглосуточным магазином и иезуитским костелом. Розовый снег. На розовых фасадах цвели розовые гирлянды. Между зданиями сушились розовые полотнища рекламных растяжек. Человек разбился на тысячи подобий в зеркальных окнах городского универмага и свернул на право, в тем-

ный проулочек. Без особых последствий он вынырнул на другой стороне проулочка и пересек площадь с темнеющим вдали парусовидным вождем и массивными и холодными как идеи вождя, скамейками. У кукольного театра с неряшливо приделанным портиком человек вошел в городской парк. Миновав летнюю эстраду, он вышел к университету и церкви в изъеденных псевдорусских куполах. Внимание человека привлек патрульный уазик, стоявший напротив церкви, в кривой излучине между церковной лавкой и домом офицеров. Кованые канделябры у церковной ограды проливали с избытком молочный свет и давали человеку возможность, получше рассмотреть машину. Тем не менее он пересек улицу и подобрался к машине поближе. Наблюдал несколько минут, потом вернулся к канделябрам. Поправив сверток, он немного постоял, размышляя. Наконец уверенно повернул в сторону вокзала. По церковной ограде, сорвавшейся с волос шелковой ленточкой, скользнула его тень.

Прошло два часа. Серым листопадным костерком начал разгораться день. Он не принес желаемого исцеления. Над городом висел опрокинутый горшок с отвратительной серой комковатой массой. Каша падала, оставляя несмываемые пятна. Больной поднимался с трудом. Его бил озноб. Он был хмурым и не выспавшимся. Единственное, что мог принести ему этот день, небрежно касающийся ладонями мертвеца его полыхающее простудным жаром лицо, это раздражение и усиление болезни. Около восьми, когда всюю ез-

дили автобусы и троллейбусы, двигались пешеходы, зашевелился и милицейский УАЗик. Последний могучий всхрап пронесся торпедой по телу, и сержант Пузанов открыл помутневшие с нестираными белками глаза. Щедрый зевок разодрал рот с рыжими и жесткими, как мебельная набивка, усами. Пузанов прочистил нос, пошлепал губами и прокомментировал свое пробуждение следующим образом.

– Утро встало... Встал и я. Все... Теперь у нас семья.

Сержант был высок и громоздок. Фуражка с опереточной тульей терла мягкую крышу кабины. Ногам было тесно. Пузанов сжимал их так, что коленные чашечки неприятно чувствовали друг друга. Пузанов взялся за рычаг переключения скоростей в легкомысленном жабо-лохматке, опустил набрякшие забрала век и позвал.

– Курсант.

Напарник Пузанова, парнишка лет восемнадцати, не отзывался. Он устроился на кресле, сложившись сразу в трех местах.

– Курсант – снова позвал Пузанов.

Парнишка его не слышал. Из приоткрытого рта текла сладкая струйка.

– Богатый – отрывисто тьякнул Пузанов.

Парнишка встрепенулся, втянул слюну и испуганно зачистил.

– Что? Что такое? Вызов?

– Вызов – подтвердил Пузанов – Я тебя вызвал. Спишь как

сурок в дырку носок. Разок по маршруту махнем и в стойло. Можешь радоваться. Первое дежурство, как первая девушка. Тут главное что?

– Что?

– Главное не уменье. Главное чтоб потиху и без крику.

Понимаешь о чем я?

Богатый рукавом протер запотевшее стекло. Из церковной лавки на него взирали грозные очи потертого на сгибах плакатного святого. Строгие, но одновременно наивные и доверчивые, как широко распахнутые окна на первых этажах. Богатый отвернулся. «Неловко как-то вышло» – подумал он. Пузанов заснул сразу же, как отгремела дискотека в клубе офицеров. Проводив прицеливающимся взглядом последнюю подгулявшую парочку и подхватившее ее такси, Пузанов расслабился и донес до курсанта поразившую его мысль.

– Я вот чего думаю. Спать, не брехать. Понимаешь сержант.

– Угм – подтвердил, не вслушиваясь Богатый – Может задержим – с надеждой спросил он— Они ж нетрезвые. нарушают общественный порядок.

– Такой порядок как огород без грядок – хорошо и затейливо ответил Пузанов. Устраиваясь поудобней, он отчески посоветовал курсанту:

– Не нарушай сон, не жми на клаксон.

После чего его голова свалилась на грудь, и он мгновенно

но захрапел. Богатый крепился. Он был молод. Воображение подстегивало его. Оно не лежало на его плечах неподъемным грузом, как у зрелых людей. Богатый воображал себя, то часовым на объекте, где хранилось оружие мирового забвения, то беглым арестантом со звериным чувством опасности. До рези в глазах пялился он на пустынную улицу, боролся с оцепенением, клевал носом и вскидывался, прижимаясь к холодному стеклу. Навалившуюся дрему покалывали папирные лезвия нервных окончаний. Воображение сыграло злую шутку с Богатым. Запечатлев в его сознании улицу, церковь и канделябры, оно покинуло его, и сон стал явью, а явь сном. Богатый не мог понять, видел ли он на самом деле человека со странной походкой или он всего лишь приснился ему. Пузанов развернул завтрак.

– Завтрак туриста, даже банка хрустиста. – Пузанов предложил Богатому. На мятой газете на коленях сержанта лежал отрез белого хлеба, горка подвявшего сала с мясной прослойкой, жадные до влаги, сочащиеся жиром красные медальоны салами и дробинки твердых домашних помидоров.

– Угощайся, курсант.

Богатый отломил кусок батона и взял маслянистый кусок сала с помидором. Желая сделать Пузанову приятное, он заинтересовался.

– Супруга у тебя наверное хорошая?

Пузанов мудро заметил.

– Супруга – это квадратура круга. Мы и сам с усам.

Проглотив колбасу, Пузанов зубами вытащил пробку из термоса.

– Коньячку-бодрячку.

– Богатый, собравшийся расправиться с бутербродом за-мер.

– Ты что! Мы же на работе – негодующий Богатый добавил еще насчет плохого примера, но был остужен Пузановым.

– Ты не пионер. Зачем тебе пример. – сказал Пузанов и, немного помолчав, назидательно добавил.

– Бутерброд клади в рот.

Богатый поперхнулся и закашлялся.

– Хватит. Хватит Дыру пробьешь. – сварливо забурчал Богатый, останавливая поток пузановских тумачков, посыпавшийся на его спину.

Пузанов поднял термос.

– Как говорится. Пить не грех, не грех и выпить.

– Да уж – с чувством произнес Богатый. Он начинал понимать, почему перед дежурством на него с таким злорадством смотрели некоторые сослуживцы. Славный сержант страсть как любил нравоучительные пассажи. Человеком он был семейным. Супругу называл Галочкой. Пожалуй, это было все, что осталось грациозного в бигудяшной барыньке Галине Федоровне. Супругом и домом она правила лениво, но увесисто. А ведь когда-то вспоминалось Пузанову: черемуха кипела белым взваром, и все вокруг было волнующим и прекрасным. Но Галочка, свечечка в плетеных босоножках,

стала Галиной Федоровной, Пузанов стал сержантом. Сложилось, устоялось, но нет, нет да всколыхнет, взбудоражит, налетит воспоминание и толкнет на непроверенные крайности. Чудное это племя – сорокалетки. Состоявшиеся и оперившиеся господа внезапно, закладывают крутое пике и бросаются в неизведанное. Чудики, право слово. Они достигли успокоенности, мало того не щадя сил боролись за нее и наконец получив, не наслаждаются. Более того она гнетет их. Добившись желаемого не все, но многие из них понимают, что упустили главное. Отличие сорокалетних от самих же себя, но моложе, состоит в том, что они замедляют убыстренный шаг. Они останавливаются. Они начинают смотреть назад, и внутри навсегда поселяется черная мышь сожаления. Если бы тогда я сделал вот так? Как бы все обернулось? Зачем я тратил столько сил, если можно было обойтись малой кровью? Почему я подличал? Почему соглашался? Ну достиг, добежал, а дальше что и почему страдал? Они пережили Спасителя, а это налагает дополнительные обязанности. Быть умней, чище и правдивей. Но ведь это и есть самое трудное с таким-то наследством. Отсюда страдания и мучения солидных чемоданов. Взбрыки и падения. побег к психоаналитикам и молодым не раскрывшимся девушкам. Разруха семейного очага. Калечащие потомство наставления и поучения. Все приходяще-уходяще. Уйдет и это. Подступит старость. все заслонит томительное и бессильное ожидание. К черной мыши добавится серая... Сержант Пузанов

в полной мере переживал все коллизии срединного возраста. Он полюбил ночные дежурства, чего раньше за ним никак не водилось. Стал молчалив и задумчив. Внешне перелом проявился в том, что Пузанов стал говорить неуклюжей рифмой. Воспитательно и назидательно стал общаться Пузанов с коллегами по работе. Страшно это бесило всех, но не останавливало Пузанова. Поговорки (предпочтение отдавалось вещам собственного сочинения) загадочные двестишья ставили в тупик самых опытных сотрудников. Один майор Чулюкин, непосредственный начальник Пузанова и Богатого понимал сержанта. Наверное, потому что с сержантом они были погодки. Из перлов, изобретенных мятежным пузановским разумом для примера можно выделить следующие. «Стоит дуб земли пуп» – это про майора Чулюкина. На жалобы ефрейтора Ковальчука о семейных неурядицах и виновной в них тещей Пузанов откликнулся так «Гангрену уничтожим дружбой», оставив обескураженного ефрейтора размышлять: смириться или рискнуть и воспользоваться бензопилой. Вертлявой хохотушке Майечке из отдела кадров Пузанов каркал зловещим вороном: Поешь? Подмигиваешь взглядом? А мужикам совсем не это надо. С дошностью работорговца на невольничьем рынке, осмотрев, присланного ему в напарники курсанта Богатого для прохождения практики, Пузанов перешел на элегический тон и задвинул вообще что-то несусветное: «Я счастлив, что я в прошлом жил, доволен, что живу я в настоящем и рад, что

в будущем меня не будет». Во время облавы на насильника Решетилова Пузанов действовал в тесной связке с ротвейлером Диком. Они отличились, а Пузанов поразил координатора операции полковника Счастливого выпреренной японской хокку.

– В землице косточка..

Собаке нравится. Мне нет.

Убежище маньяка где-то рядом.

Счастливый – полковник с лисьим прищуром и веревочным хребтом позднее в приватной беседе предупредил Чулюкина.

– Реляцию я, конечно, наверх пошлю. Но ты майор сержанта своего все равно задвинь, запри и ключик выбрось.

Разгоряченный выпивкой и похвалами Чулюкин возразил.

– Что так? Он один из лучших. Нареканий у меня к нему нет.

– Обтрехался ты на земле, майор. Я тебе как твой сержант отвечу, балласт полету не помощник. Наверх полезешь, он тебя вниз потянет. Прямой он у тебя, рубит непонятно. непонятно значит подозрительно. Можешь мне верить. Я в карьерных делах дока.

Чулюкин замаял опасную тему, но догадку полковничью принял и дел хороших сержанту не давал. Промышлял сержанту

жант мелочовкой: протоколами за неправильную парковку, гонял с тротуаров стаи нелегальных торговцев и усмирял пьяниц. Сметя завтрак, Пузанов вынул из держателя эбонитовую палочку рации.

– 15-й 15-й слышь меня. Это 9-й.

Сквозь эфирное потрескивание донеслось.

– 9-й? Это 15-й. Ты Пузанов?

– Я – ощерился Пузанов.

– Как там у вас? – задала вопрос рация – Нормальненько все?

– Пляшем как кости на погосте – ответил Пузанов.

– Происшествия были?

– Были да сплыли.

– Курсант твой как?

Пузанов посмотрел на Богатого.

– Что ему православному сделается. Сидит себе, не пенится.

– Давайте закругляйтесь там, через полчаса на базе. Как понял?

– Сравнительно.

– Не понял – откликнулась рация.

– Удовлетворительно.

– Шутишь все Пузанов.

– Шутка не утка, под койкой не зимует.

– Ты... Ты.. – рация поискала нужное слово – В самом деле, Пузанов.

Пузанов вернул эбонитовую палочку в держатель. Узик перевалил через бетонный язык ступенек, прикушенный дубовой плахой двери церковной лавки, и затарахтел по клейменной, еще польской, заповедной брусчатке. Они проехали мимо неухоженного парка Оставили позади красивое и умытое, как игрушечная пожарная машина, здание страхового агентства и за облисполкомом повернули налево. Узик затаил дыханье, загудел на одной ноте и полез в гору к старинному городскому кинотеатру «Красная Звезда». За кинотеатром они вновь свернули и, разгоняясь на мокром асфальте, понеслись к вокзалу. На остановках суетились контролеры, злые тетки в шерстяных гусарских рейтузах. Из ворот воинской части выезжал, груженный солдатами, парусиновый «Урал» С флагштока перед заграничным консульством свисал оселедец двухцветного флага. Справа к вокзалу подходил длинный товарный состав. Пузанов обогнул лопухий троллейбус и внезапно прижался к обочине. В его окно испуганной птицей забила рука в самодельной варежке.

– Чего тебе – проворчал Пузанов – Сейчас, сейчас. Иди, посмотри. Чего ей надо.

– Я мигом – Богатый лязгнул дверцей, откусив кусочек холодного воздуха и заставив поежиться Пузанова. Хлюпнула ледяная муть в ложбине у тротуара. Богатого окатило уличной свежестью. Курсант недоуменно огляделся. Из-под локтя возмущенно зашамкали.

– Инвалид он у меня... Куды ж идти. Ага! В собесе спра-

вочку нарисовали. Третья группа. не абы что... Ага! Плотничает дедушка к пенсии... А тут... Что я мусор сама не вынесу. Цемент в самом деле. Ага! Пошла. А тут такое... Чего не придумают.

Богатый двинулся вслед за бойко ковыляющей пенсионеркой в накинутаой на плечи искусственном полушубке до того свалывшемся и одичалом, что казалось Богатому, старушка несет на себе шерсть отощавшего и грязного медведя-шатуна.

– Там он. ага! Дальше уж сам. – персиковым пластиковым ведром указала пенсионерка Богатому дальнейший путь.

– Ты, бабуся, здесь постой. Если что машину видишь? Сразу туда. Поняла? – сердито шепнул Богатый и отстегнул кобуру.

На цыпочках Богатый подбежал ближе. «Я спокоен» – повторял он про себя, трясясь при этом каждой внутренней жилочкой. Богатый стоял в начале крохотного тупичка, образованного домами давнишней постройки. Дома соединяла труба парового отопления, одетая в полуразрушенный кирпичный кожух. Внутри пяточка пряталась батарея ржавых лоханок в низко надвинутых мусорных шапках. По вешнему березовому снегу бежали желтые разводы мочи, а на мрачной стене сиял апельсиновый заяц. Большущий зайчище с круглым животиком. Художник, невысокого роста человек, в длинном до пят кожаном плаще, заканчивал левый глаз. Правый, полностью сделанный, умильно косил в сторо-

ну своего еще не готового собрата. Кисточка порхнула, наметив контуры, и замерла что-то обдумывая. «Я спокоен» – повторил Богатый. Он рванулся вперед, вырывая из гнезда резиновую дубинку.

– Стой! Стрелять буду!

Богатый задергался на незамеченной накатанной пропелсине льда. Кисточка скользнула вниз. Из пустой глазницы покатались черные горошины слез. Раскорячившись на льду, Богатый смог устоять.

– Вам помочь – бросился к Богатому художник.

– На месте! Лежать стоя, я сказал! – Богатый выпрямился, осторожно подошел к художнику, сорвал с пояса наручники. Один браслет посадил на себя, другим поймал тонкое запястье художника.

– Вы задержаны – получилось не так уверенно, как не единожды перед зеркалом, но все равно внушительно. Нарушитель не упирался. Он покорно семенил за Богатым. Со стены их провожал одноглазый косой калека с уродливо раздувшимся животом. На выходе из тупичка они встретили Пузанова и пенсионерку.

– Что тут у тебя – борясь с одышкой, спросил Пузанов. – Поймал кого?

– Взяли голубчика. Ага! Попался.

– Запеканкин – расцвел, узнавая Пузанов. – Счастье какое: дырявая ложка к обеду. В историю войдешь курсант. Самого Запеканкина поймал.

– Опасный? – с тревогой поинтересовался Богатый.

– Как валерьянка под журнал Крестьянка. С почином тебя соколик был ты крестик, будешь и нолик. В нашем отделе только ты его и не ловил.

– Ну, Запеканкин – ласково обратился Пузанов к задержанному – Ты ж местный? Дорогу знаешь?

Запеканкин послушно потянул за собой Богатого.

– Подожди – остановил его Богатый – Как это? А я? Мне ж освободиться надо. Только теперь Богатый вспомнил, что ключи от наручников перед выездом у него отобрал Чулюкин, чтобы не баловался.

– Во-во – сказал Пузанов – Иди, курсант. Иди и блюди.

Помогая расстроенному Богатому забраться в тесный закуток, где его уже поджидал нахохлившийся Запеканкин, Пузанов справедливо заметил.

– Вор не вор, если есть надзор. Помни это курсант.

Узик отвалил от бордюрной каемки, сплевывая на пенсионерку клубы сизого дыма из выхлопной трубы.

Майор Чулюкин нисколько не походил на лубочный образ милицейского начальника, прочно укоренившийся в умах. Ничего не было в нем от постоянно остерегающегося взяточника-тугодума. Напротив, своим нравом напоминал он каракумский каргач-саксаул. Железное дерево. Несгибаемую корягу с мелко штампованными листочками, поставленными на ребро, обманчивое пристанище усталого путника. Они совсем не давали тени. На лице, у переносья, но-

сил Чулюкин вертикальные зарубки. Печать воли. Торчащие скулы обтягивала задубевшая от умеренного хилого солнца средней полосы кожа. Нижняя челюсть с каменным подбородком и твердыми желваками была несколько тяжеловата, поэтому майор всегда держал рот полуоткрытым.

Глаза. А вот глазам, майор Чулюкин был не ответчик. Непроницаемое, с благородной чернью, фамильное серебро скрывалось за дымчатыми очками-хамелеонами. Майор на самом деле был образованным человеком. В своих пристрастиях отдавал он предпочтение русской классике, но не чурался и иностранщины, особенно изысканной и пикантной. Когда Пузанов и Богатый ввели в его кабинет задержанного Запеканкина, майор Чулюкин развлекался творчеством итальянских модернистов, вслух читая из плоской, как доска, книги.

– Телятину почистить, обмыть, разделать на порции. Лук нарезать и обжарить в кляре. добавить муки и жарить до золотистого цвета. Положить томатную пасту и неочищенный, но хорошо промытый зубок чеснока, лавровый лист, перец и соль. все потушить. Мясо вынуть из бульона, добавить поджареный лук с приправами и тушить до готовности. Подавать блюдо горячим предварительно посыпав зеленой петрушкой.

– Пицарелла по-милански – мечтательно произнес Чулюкин, откладывая книгу. Смотри как ловко. Вынуть из бульона. Обжарить и снова в бульон. Эх, чудесники макаронные.

Чулюкин обратил внимание на вошедших.

– Чего надо, голуби?

Кабинет Чулюкина заслуживает отдельного описания. Ввиду ремонта в пункте общественного порядка, который располагался в подвале, бывшем бомбоубежище, общежития для студентов из третьесортных стран в чулюкинский кабинет была снесена вся ненужная мебель. Присутственным диваном для посетителей служила положенная набок, слоновья туша, несгораемого шкафа из отдела кадров с готической виньеткой «Мейербах. Хамбург. 1899» Чулюкин сидел на чугунном кубике из кассы, подложив под себя домашнюю вышитую подушечку. С десяток разномастных графинов столпились на перевернутом пенале с лязгающей печной заслонкой из оперативной части. Прямые вешалки в жестяных коронах вытянулись у зеркального барочного комода. Запеканкин замер у пианино с просевшими педалями. Пузанов подтолкнул его вперед.

– Запеканкина привели.

– Запеканкина, – делано удивился майор, – неужели самого Запеканкина.

– Курсант отметился – поддержал взятый тон Пузанов.

– Неужели сам?

– Так сказать собственноручно.

– Какой молодец.

– Растет поросль на нашей лысине.

– И не говори, сержант.

Заметив на Запеканкине наручники, Чулюкин произвел милостивый жест римских императоров перед поверженным гладиатором.

– Разрешаю освободить задержанного. Снимите с него кандалы.

Исполнение приказа вызвало небольшую заминку. Выяснилось, что ключи от замков находятся у майора. Пробурчав недовольно.

– Даже это без меня сделать не можете – Чулюкин порывлся в столе и бросил Богатому ключи. Запеканкин массировал потертое запястье, не поднимая головы. Чулюкин обратился к Пузанову.

– Имеется предложение, наградить курсанта. Надо отметить. Все-таки Запеканкина изловил.

– Кому и пипетка конфетка – мудро заметил Пузанов.

– За образцовое исполнение долга в столь трудные для любых органов времена.

Богатый слушал Чулюкина, выкатив вперед грудь. Фаланги прижатые к форменным брюкам побелели.

– Курсанту Богатому объявляется благодарность без занесения. Если раньше я имел кое-какие сомнения, то сегодняшние события все расставили по своим местам. Курсант Богатый, именно вам как самому достойному я доверяю дежурство в новогоднюю ночь.

Пузанов сдержанно хмыкнул. Богатый занятый отработкой приемов строевой подготовки вначале не придал особо-

го значения словам майора. Сквозь пьянящий дурман до Богатого доносилось.

– Ваши старшие товарищи завидуют вам курсант. Оно и понятно. Вы подумайте, что их ждет. Бессонная ночь, жирная еда, танцы-козлодрыганье перед телевизором. А может быть ... Да все может быть. Знакомство с падшей женщиной. – несмотря на громы и молнии в словах Чулюкина при упоминании падшей женщины Пузанов облизнулся как кот на сало.

– Наконец своим волевым решением я освобождаю вас от первого января. Дня сплошной мигрени и лживых обетов.

– Первое января бюллетенит вся страна – поддержал Пузанов майора.

– Вы товарищ Богатый будете избавлены от всего этого. Скоротаете ночь у камелька за кружечкой кофе. Думы будете думать. А утречком, когда уставший от празднований народ устроит кровавую баню под названием «Убей будильник». Вы полный сил и отдохнувший сменитесь и отправитесь домой.

Богатый порывался что-то сказать.

– Не стоит благодарностей курсант – Чулюкин, смущаясь, задвигал булыжниками желваков. – Просто у меня такая должность. Помогать хорошим людям.

– Служу отечеству – осознав величину трагедии, промямлил Богатый.

– А-а! Черт с ними, пусть пишут жалобы. Доверять так,

доверять. Курсант вам полному энергии я доверяю обеспечить наш пункт новогодними елками. Финансовый аспект данной проблемы, проработаем в январе или феврале будущего года.

Долго, очень долго пушечными раскатами гремел пузановский хохот рикошетом, отбиваясь от метровой бетонной брони бывшего бомбоубежища.

Оставшись наедине с Запеканкиным, майор сменил шутовское настроение на педантичную деловитость. Повисло молчание. Понурый Запеканкин, беззащитно стоял посреди кабинета. Чулюкин навел порядок на столе. Достал из ящичка кожаную с осыпавшимся гербом папку. Смотреть ее майор не стал. Безжалостные дымчатые хамелеоны поджаривали Запеканкина на медленном огне. Запеканкин задымился. Столь необычное природное явление можно было бы объяснить сырой одеждой и жаркими радиаторами, которые обогревали чулюкинский кабинет. Но Запеканкин думал иначе. Все это были чулюкинские проделки. Более всего Запеканкин походил на обезьянку. Из тех заслуженных цирковых мартышек, что заканчивают свой век на пестрых плечах ярмарочных зазывал, вытаскивая из стеклянного барабана грошовые фантики счастья. Черные волосы скобочкой. В покорно-покинутых моченых оливах, не имевших зрачков, жили боязливость, пришибленность и смиренная вера. Чешуйчатый от старости кожаный плащ стягивал перекрученный пояс с белой рельефной пряжкой. Шайба цветного (нет.

вяло!) шайба радужного шарфа сидела на цыплячьей шее с треугольным мотыжным кадыком. Под тяжелым взглядом майора Запеканкин старался выглядеть независимо, но его выдавало хроническое помаргивание. Веки ходили неровно и быстро, как крылышки мотылька у дачной керосинки.

– Вы гражданин Запеканкин, присядьте пока – сказал Чулюкин и открыл папку.

Запеканкин опустился на несгораемый шкаф-диван.

– Начнем вот с чего, гражданин Запеканкин – майор поднялся и прошелся, печатая шаг. – Чтобы не быть голословным, я зачитаю вам заявление, написанное вами собственноручно и без принуждения... Чулюкин вернулся к папке и извлек из нее заявление.

– Начальнику отделения... Это мы пропустим. Я, Запеканкин Петр Никандрович, год рождения. Обязуюсь – выделил голосом Чулюкин – Обязуюсь. Не производить никаких преднамеренных действий, направленных на порчу государственного имущества и восстанавливаемого за счет государственного бюджета. Не использовать в противозаконных целях принадлежащие мне рисовальные принадлежности: как-то кисточки и краски. Об ответственности предупрежден. Дата. Подпись. Скажите, гражданин Запеканкин. Это ваша рука? Молчите? Вам нечего сказать?. И отпираться вы не смеее, потому что прекрасно помните, что эту бумажку я прямо таки силой вырвал у вас здесь, в этом самом кабинете в присутствии вашего дражайшего приятеля Фиал-

ки, попортившего мне немало крови. После нашей последней встречи, гражданин Запеканкин, я надеялся, что вы образумитесь. Все основания были к тому. Что же я вижу теперь? Что? Вы принялись за старое, гражданин Запеканкин. Вы неисправимы. Вы рецидивист и злостный нарушитель. Скажите мне гражданин Запеканкин, каким новым шедевром вы осчастливили наш город на этот раз? Новой коровой, которая тигр. А может сорокой? Помните вашу фиолетовую сороку на фасаде налоговой инспекции? Мы прекрасно помним. Что же, по-вашему, там одни воры сидят? Это поли тический момент. Не молчите. Ответьте. Имели честь гадить, имейте честь и прибраться.

– Зайца, – вырвалось у Запеканкина.

– Что вы сказали.

– Я нарисовал зайца.

– На грызунов перешли, гражданин Запеканкин – лишённая поддержки нижняя челюсть отвисла. Чулюкин улыбнулся. – Понятно. Не понимаю только зачем это вам нужно. Вы же взрослый человек. Снова молчите. Так я вам отвечу. У меня сохранилась ваша объяснительная.

Майор Чулюкин лелеял и пестовал свой архив. Это был его хлеб. Он слишком долго служил государству и знал, что грабить государство дело накладное и хлопотное. Такой грабеж может принести сиюминутную выгоду, но никогда не обеспечит достаток и самое важное надёжную индульгенцию на него. Государство – чудище зело огромно есть. Растопчет

и не заметит. Потому что слепо, а вот этим уже можно воспользоваться. Если научиться его направлять, заметьте не управлять, а направлять, можно обеспечить себе безбедное существование. Майор Чулюкин понимал это хорошо.

– Объяснительная – продолжал Чулюкин – Памятка нашего первого свидания. «Я такой-то такой-то, порчу государственное имущество, чтоб было красиво и нравилось людям». Что вы на это скажете. А ведь вам 24 года, через 6 лет 30. Рубеж. В вашем возрасте начинают оформлять жизнь. Заводят семьи, занимаются профессией, а чем заняты вы. «Чтоб было красиво и нравилось людям». Отменнейшая бредятина. Красиво. Подумаешь выискался. Черный квадрат Малевич. Зеленая клякса – Запеканкин. Очень занимательно.

От стыда Запеканкин не знал куда себя девать.

– Герой не нашего времени – бушевал Чулюкин – Рисует он. Сидел бы дома, не беспокоил общественность. Так нет же. Он выходит на улицы. Чтоб нравилось людям, чтоб нравилось людям. Да плевать они на тебя хотели. На тебя и на твой зоопарк корявый. Понимаешь плевать. С самой высокой колокольни. Ты что думаешь, мы тебя ловим? Невелика птица. Плевать мы на тебя хотели, у самих забот полон рот. Люди твои любимые сигнализируют. До тебя, что не доходит?

– Я знаю.

– Тем более загадка ты для меня, – Чулюкин присел ря-

дом с Запеканкиным – Может объяснишь? Поначалу думал спьяну, но ты не пьющий. Доказать что то хочешь? Добиться – да?

– Нет.

– Нет. Может тебе конкуренты платят, чтоб ты стены раз-малевывал. Хотя какие конкуренты. – Чулюкин с досадой поморщился – Тогда что же? Выгоды Запеканкин от твоих художеств никакой, одни неприятности. Что же тобой движет, чужак человек?

– А вы не будете ругаться?

– Что за детский лепет, гражданин Запеканкин. Прямо нет слов, до чего вы любите дурочку ломать.

Запеканкин изучал теперь край чулюкинского кителя, где-то в районе самой нижней пуговицы.

– Вы только ничего такого не подумайте, товарищ майор. Я не сумасшедший. Но накатит на меня. Ничего с собой поделывать не могу. Вчера джип на автостанции окатил с ног до головы и дальше поехал. Кнопик в рукавичках на тесемочках плачет. Шарик улетел. Собаки бездомные все бегут. Занятой мужчина, жука слушает, по сотовому ругается – как прилежный ученик положил открытые ладони на колени Запеканкин. Оливы намокли.

– У него цепь вот такая, а на штанине, я сам видел, грязь засохшая. Плохо ему наверное. Жалко мне становится, так что дышать не могу. И вас тоже, товарищ майор, – неожиданно добавил Запеканкин.

Брови Чулюкина поползли вверх. Можно держать пари, но наверняка, за дымчатыми хамелеонами глаза округлились от удивления.

– Ты ископаемое Запеканкин. Аномалия. Неужели из-за этой мелочевки ты начинаешь пакостить?

– Да – просто ответил Запеканкин.

– Я и говорю. Ископаемое. Занимается черте чем. От безделья мучаешься? Почему не работаешь? Ты же дворник в ЖЭСе?

– Уволили.

– И там учудил? В другое место устраивайся. Не берут? Правильно, кому ты нужен без образования. Сейчас, слава богу, без диплома и к сливному бачку не подойдешь. В общем так. – Чулюкин поднялся – В последний раз я выслушиваю твои идиотские рассуждения. Не знаю, что меня удерживает от того, чтобы засадить тебя на пару-тройку суток. – Чулюкин подошел к одной из вешалок снял с зубца жестяной короны песцовую шапку с фальшивыми ушами и нахлобучил ее на голову.

– Жалееет он. Нас жалеть не надо, гражданин Запеканкин, Лучше денег дай.

Придерживая подбородком крест роскошного кашне, Чулюкин одел джинсовую куртку с белым мехом. Просмотрев папку, Чулюкин сунул ее под мышку.

– Пойдем – сказал майор Запеканкину.

– Куда – забеспокоился Запеканкин.

– Пойдем, говорю. Куда? Там узнаешь.

– А можно я вас здесь подожду, – неизвестность пугала Запеканкина. – Посижу где-нибудь.

– Нашел место, где сидеть – начал гневаться Чулюкин – За мной Запеканкин.

У стеклянного фонаря дежурной части с обугленной спичкой дежурного внутри, Чулюкин бросил.

– Я к Звонкову. Если из главка будут спрашивать на задании.

Выбравшись из милицейского подземелья, Чулюкин и Запеканкин оказались во дворике, примыкавшем к тыльной стороне общежития. Прихватило морозцем и под ногами по – рафинадному вкусно поскрипывал подсушенный солнцем снег. На чайных блюдах параболических антенн играли солнечные блики. Состояние больного заметно улучшилось. Чулюкин подвел Запеканкина к забору вокруг заброшенного долгостроя. Забор был новенький, пахнувший лесом и занозистый. Посчитав про себя и убедившись в верности решения, Чулюкин отодрал нужную доску и пропустил вперед Запеканкина.

– Давайте, гражданин Запеканкин. Не будем привлекать внимание.

Протиснувшись в дырку вслед за Запеканкиным, майор пристроил доску на место. Проходя мимо груды щебня, Запеканкин зацепился за ржавую арматуру. Освобождая Запеканкина, Чулюкин содрал кожу с ладони. Это происшествие,

после необходимой порции ругательств в сторону неуклюжего Запеканкина, далее вылилось в пространное размышление о происходящем вокруг.

– Развели бардак – ворчал Чулюкин, сплевывая проступавшую кровь. – Нет, чтоб снести или достроить. Нет, слишком просто. Мы лучше забор поставим, и каждый год менять будем. Кругом анархия.

Задумка городских властей о новом учебном корпусе для университета временем и пренебрежением приведенная в состояние руин не могла представить убедительные доводы, чтобы противопоставить их злобствующим чулюкинским филиппиками. Чулюкин продолжал разоряться.

– Кругом власть и кругом анархия. Иногда думаю, а что же я на самом деле охраняю.

– Наверное людей, – робко заметил Запеканкин.

– Вы гражданин Запеканкин в святые случайно не готовитесь? – с ядом спросил Чулюкин.

– Совсем нет. Почему вы так думаете.

– Вещаете уж больно благолепно. Жалуете всех. Елей сладчайший по устам так и льется. Летаете там у себя в небесах и нас жалуете в говне, шебуршащих. Так и хочется иногда по роже вашей постной съездить... Не бойся Запеканкин это я так к слову. Пузанов недавно хорошо подметил. Говорит. Святой человек простой. Кашу заварил и на покой. Ведь верно сержант заметил. Им, что они святые, а расхлебывать, нам приходится смертным. Я хоть и не типичный майор, но

системой ломаный. Думать могу, говорить нет. Но вам скажу. Вы конечно до этого не снизойдете, но для меня, червя, собственные детишки важнее вашей самой истинной истины.

Оставив позади долгострой, они перебежали в неположенном месте дорогу и оказались у елочного базара., обнесенного свежеструганными тележными слегами. Базар находился на мысе, широко вдававшемся в кольцевую развязку. Идти пришлось по нехоженой целине с подмерзшей и хрустящей корочкой.

– Хоть бы тропинку протоптал – крикнул Чулюкин – Звонков слышишь, что говорю.

Навстречу вышел человек с квадратным лицом и характерной прической бобриком.

– Здравствуй Звонков. На елки значит перешел?

– Конъюнктуру ловлю – нехотя отвечал Звонков, пряча голову в трубу воротника.

– То же дело. На территорию пустишь?

– Проходи. Место не купленное.

Чулюкин подтолкнул Запеканкина.

– Иди. Посмотри. Что к чему, нам поговорить надо.

– Лиза! – неожиданно завопил Звонков. Он обращался к здоровенной девице со щеками-блинами. Девица с крейсерской скоростью нерадивой библиотекарши, перебирающей читательские абонементы, сортировала елочную охапку по размеру и пышности. В запарке блинные щеки облома-

ли верхушку одной миниатюрной елочки. Судя по яростному возгласу Звонкова, Лиза совершала не первую производственную ошибку.

– Я же просил. Осторожней. Не бананами торгуешь.

– Сам попробуй – девица оказалась не из робких – Тычет он мне. Ничего с ней не станется. Лиза оторвала верхушку и выбросила.

– Ах, ты! – вскипел Звонков и бросился к Лизе. Не растерявшись, Лиза перехватила елочку и выставила вперед рубленый комель.

«Надо спасти мужика» – подумал Чулюкин.

– Эй, Звонков.

Звонков размышлял недолго. Между Лизой и Чулюкиным он выбрал майора. Запеканкин подобрал брошенную Лизой верхушку. Ее стебель, заканчивающийся грузным сутаном, окружали трехпалые лапки веток. Запеканкин приложил верхушку к снегу, и она оставила птичий след с неестественно длинным средним пальцем. Тут же Запеканкин сочинил подходящую историю. Начиналась она так. Далеко-далеко на лиловой Ямайке живут редкие зверьки фуфырики. Почему на Ямайке? Потому что не у нас. Почему фуфырики? Кто его знает. Назвали и назвали. Не в этом суть. А вот в чем. Вместо хвоста у фуфыриков растет дополнительная податливая и упругая, как шланг, рука с одним длинным пальцем. На пальце имеется боевой коготь. Он блестит антрацитом и твердый как кремний. Этот коготь играет важную роль

в жизни фуфыриков. Раз в год, в строго определенное время, все взрослые и самостоятельные фуфырики собираются на священном поле для игры в фуфель. На представление собираются все фуфырики, их фуфырки и фуфырята. Фуфырики становятся ромбом и поднимают вверх когти. По сигналу фуфломета, распорядителя праздника, начинается схватка. Бескомпромиссное побоище. Отточенными когтями фуфырики начинают чесать затылки. Тот, кто продержится дольше всех, получает титул. «Преглавнейший и предержавнейший фуфр». Победитель становится главой фуфырячьего сообщества на целый год. Он поселяется в беднейшей хижине и на срок правления у него отбираются все права и льготы. Преглавнейший фуфр живет на милостыню... Качество милостыни особое: нельзя подавать деньги, только еду. Размер милостыни напрямую зависит оттого, какие законы придумает фуфр и принесут ли они пользу. Фуфырики подчиняются всем законам, которые издает фуфр, а вот, что сегодня будет есть преглавнейший и предержавнейший, и будет ли он есть вообще, напрямую зависит только от него. Кандидаты на должность фуфра прекрасно осведомлены о всех последствиях обретения власти, поэтому в соревновании обычно побеждает достойнейший, тот кто идет на это осознанно. В остальном фуфырики довольны – таки безмозглые. У них даже нет интернета. Фуфырки, фуфырики женского пола, очень миленькие и простенькие. На расфуфыренных фуфырок смотрят косо и с опаской. Ребяшня у фуфыриков не

учится. Фуфырики переросли школы. Чумазому фуфыренку достаточно выучить: «Фырчит фуфырчатый фуфырик пере-фурфычивая фрык» и он становится полноценным гражданином. А еще... Впрочем, Запеканкин мог много еще придумать про фуфыриков, но подошла безмолвная и решительная Лиза и без объяснений и довольно вульгарно отобра-ла елочную верхушку у Запеканкина. Вернее не верхушку, а боевой коготь фуфыриков, отчего потеря казалась Запеканкину практически невозполнимой. Где еще в этом мире мог он достать настоящий коготь, самых настоящих фуфыриков? Лиза примотала прозрачным скотчем верхушку к поврежденному деревцу. Запеканкин поежился, ему стало очень холодно. Рядом горячился Звонков.

– Ты что выдумываешь Чулюкин? Я сюда все вложил. Все что имел. Я в долгах по макушку. Понимаешь. Пустой я. Нет у меня ничего.

– Ты не сепети Звонков – перебил его Чулюкин – Я к тебе с проверкой. А ты начинаешь.

– Знаю я ваши проверки.

– Тем более должен понимать. Препятствовать ты мне права не имеешь и решениям подчиняться должен... Если у тебя все в порядке, то зачем ты мне нужен? Я к другому пойду. А если чего не договариваешь, то уж извини. Я службой представлен неисправности исправлять.

– Ты уйдешь? – недоверчиво присвистнул Звонков. – Как же? Правильно вас легавыми называют. Вцепитесь прямо в

горло.

– Ты не оскорбляй Звонков.

– Я не оскорбляю. Я дело говорю.

Чулюкин его не слушал. Он раскрыл папку с обсыпавшимся гербом. Хамелеоны прошлись по Лизе.

– Где продавщицу взял – спросил Чулюкин.

– У Вахи переманил. Бананами торговала.

– Совмещает – невинно поинтересовался Чулюкин.

– А что? – набычился Звонков.

– Ты не переспрашивай, гражданин Звонков. Ты мне ответь. Совмещает?

– Не совмещает.

– Плохо, ой как плохо. – протянул Чулюкин – Нарушаете гражданин Звонков.

– Начинается – скрипнул зубами Звонков.

Чулюкин начал зачитывать из папки.

– Согласно решению городской думы от 18го апреля 1901 года купец, дающий службу, если таковая сдельная, обязан не отрывать работника в дневные часы от основного занятия. В противном случае – штраф.

Зелененькая трубочка с явственно проступающей циферкой 10 перекочевала в накладной карман джинсовой куртки. К чести Звонкова нужно отметить, что скажи Звонков иное (допустим, совмещает) на свет была бы извлечена резолюция горисполкома от 25 августа 1955 года об отмене скандального решения городской думы от 18 апреля 1901 г.

В действие вступал архив. Звонков превратился в азартного игрока, остервенело скармливающего монетки однорукому бандиту. Игральный автомат Чулюкин не давал и шанса. За отсутствие огнетушителя – штраф, за наличие снега (и это зимой!) на рабочей площадке штраф. За вход с южной, а не с северной стороны – штраф. Перед Звонковым закрутились, завертели, запорхали декреты, указы, постановления и решения всевозможных властей и эпох. Их различал стиль: от завитушно-напыщенного до дребезжаще-канцелярского, но объединял смысл. Штраф! В круговерти лихо закрученной Чулюкиным, прогарцевала даже грозная цидулка времен гражданской войны с лаконичным текстом: «Всех буржуев к стенке, остальных в расход. Афоня – Вырви Глаз. Боец за революцию».

– А продавцов у тебя сколько?

Звонков, приходящий в себя после штрафной квитанции, выписанной украшению его коллекции, девятиметровой красавице вся вина которой, заключалась в том, что по постановлению губкома: в связи с землетрясением в Токио в 1925 году ввиду сейсмической опасности запрещается возведение зданий, а каково и иных сооружений выше 8,5 м, затравленно ответил.

– Один. Мне хватает.

– А торговля у тебя оптовая? – спросил Чулюкин.

– Допустим.

– А согласно постановлению Горсовета от 23 ноября сего

года для оптовой торговли требуется два и более, а у тебя в наличии один. Непорядок.

Звонков понурил голову и полез в карман за деньгами. Чулюкин благодушно закрыл папку.

– В этой беде мы тебе поможем. Гражданин Запеканкин, подойдите-ка сюда. Вот прошу любить и жаловать, гражданин Запеканкин – представил майор.

Осмотром Звонков остался недоволен, но сказал.

– С паршивой овцы... Занимался торговлей?

Чулюкин вмешался.

– Он много чем занимался. Ты меня Звонков знаешь. Я плохо не предложу.

Чулюкин начал прощаться. Рукопожатие Звонкова было вынужденным и сдобным, Запеканкина – сухими и мало-хольным.

– Все побежал. Я надеюсь на вас, гражданин Запеканкин – предупредил майор, а Звонкову напомнил.

– Флажки все-таки развесь, согласно протоколу цирковой комиссии от 4 марта 1881 года на случай проведения циркового слона... Всего хорошего.

После ухода Чулюкина, Звонков оседлал тележную слегу.

– Видал. Как нужно – восхищенно сказал он Запеканкину – Умеет же черт.

– А мне что делать – спросил Запеканкин.

– Лизе помогай.

Оставшись один Звонков, глядя на Запеканкина, сказал.

– Удружил мне майор нечего сказать... А все-таки моя победа. У Чулюкина обычная ставка стольник, а сегодня всего на 70 разошлись.

– Не пойму чего радуешься, Звонков – спросил Чулюкин. Звонков осекся.

– В самом деле, хоть бы тропинку протоптал. Утонуть можно – ворчал Чулюкин – Пока доберешься до тебя, весь вымокнешь. Я чего вернулся, Звонков. Фартук у твоего нового продавца есть?

Скурпулезность и формализм, считая их основными качествами хорошего работника, Чулюкин довел до совершенства. Звонкову оставалось только прошипеть.

– Сколько?

– Согласно тарифу 30.

Изгнание Запеканкина со службы случилось примерно через полтора часа после ухода Чулюкина. Пришел грузовик с елками. Его необходимо было разгрузить очень срочно, но и прерывать бойкую торговлю было нельзя. Полководческий гений Звонкова подсказал ему решение. Себя и Запеканкина он направил на разгрузку. Запеканкин разгружал, Звонков надзирал. Лиза оставалась за старшую на торговой площадке. Далеко не с первой попытки удалось Петру взобраться в накрытый тентом кузов работяги зилка. Елки были свалены в дальнем углу у кабины. Пространство перед ними было плотно заставлено рядами картонных ящиков. В высоту ряды практически достигали тентовой крыши, остав-

для небольшой просвет. Водитель зилка, коренастый любитель фильма «Бригада» и бездумного сидения с пивом и ногами на парковых скамейках ни за что не соглашался освободить проход для доступа к елкам. Обозрев диспозицию и устав пререкаться с водителем, Звонков принял стратегическое решение.

– Лезь на ящики – приказал он Запеканкину— Будешь по одной доставать.

– Смотри. У меня там хрупкое изделие – предупредил водитель.

– Не байся. И не такие высоты брали. – ответил Звонков и спросил у Запеканкина.

– Не боишься?

– Очень – признался Запеканкин.

– Не байся. Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал. – напутствовал Звонков Запеканкина.

Без потерь удалось Запеканкину осуществить большую часть плана своего командира. Он шустрил по-пластунски, доставляя языков э-э-э елки прямиком в штаб э-э-э Звонкову. Тот аккуратно выкладывал елки рядом с машиной. Такое комильфо на тротуарном мысе рядом с елочным базаром продолжалось бы довольно долго, если бы Запеканкин не был бы Запеканкиным. В любой человеческой натуре есть особые крючочки, на которых держится образ личности. Они бывают наследственными и приобретенными. Некото-

рые из них особо выпуклые, другие практически не заметны. Самое главное, что без них впечатление от того или иного человека распадается, перестает быть цельным, а значит запоминающимся. В самом деле, кем были бы в массовом сознании обывателей Горбачев без мягкого южного «г» и Элтон Джон без своих очков. Просто первый президент СССР и великий певец. А так кроме всего прочего, они еще Горбачев и Элтон Джон. Так и Запеканкин не был бы Запеканкиным, если бы не упал. И он упал. Полетел вниз при передаче елки Звонкову. Вместе с верхним ящиком, на котором лежал в это время. Расплата последовала незамедлительно. Незамедлительно после того как Запеканкин перетащил все выгруженные елки на базар. Звонков выслушивал проникновенные пассажи водителя по поводу поврежденного товара спокойно и гордо. Благо Запеканкин ничего не разбил. После того как ЗИЛ уехал он подозвал к себе Запеканкина и сказал. Без надрыва и криков. Без ненужной рефлексии и расчета. Без приязни, но и без сожаления. Сказал проникновенно. Мощно сказал.

– Вижу геморрой ты ходячий. Ты лучше иди. Иди отсюда, пока руки ничем не заняты.

– А когда приходит – спросил наивный Запеканкин.

– Приходить – Звонков даже задумался – Вот как елки разговаривать начнут. Так сразу и приходи. Что ж тогда буду делать. Тогда с ними только ты и справишься. О гражданстве похлопочешь и регистрации на работу.

– Тогда я пойду? – спросил Запеканкин.

– Конечно. – широко улыбнулся Звонков.

Запеканкин повернулся и пошел.

– Погоди, блаженный. – Звонков долго выбирал и, наконец, вручил Запеканкину самую-пресамую кривую и лысую елку из своего ассортимента.

– Спасибо – искренне поблагодарил Петр.

– Не за что – совершенно честно ответил Звонков – Все равно бы выбросил, а так тебе за работу.

Они расстались, совершенно довольные друг другом. Звонков тем, что так легко отделался. Запеканкин тем, что спас елочку. Домой Петр не пошел. Вместе с елочкой он отправился туда, куда ходил уже вторую неделю и находился весь световой день. Если бы не вмешательство Пузанова, Чулюкина, а после и Звонкова в его строго распланированное расписание он бы давно находился там. Железнодорожный вокзал встретил Запеканкина дневным краткосрочным затишьем. Петр незамедлительно спрятался за горбатую широкую и высокую лестницу, ведущую внутрь вокзала. Запеканкин прислонил елочку к равнодушной бетонной стене, а сам принялся наблюдать и нюхать. Так уж сложилось, но досыта Запеканкин ел редко. Как всякий голодный человек представлял и поедал в своем воображении всевозможные вкусные блюда. Иногда просто перекусывал запахом. Вот как сейчас. Густой, как патока, со всевозможными экзотическими оттенками (по большей части для Запеканкина это бы-

ли запахи бразильской сельвы, потому что он не знал, как на самом деле пахнет эта сельва), так вот густой, как патока, острый аромат лился в его нос, задерживался, и Запеканкин основательно, с причмокиванием, пережевывал его своими ноздрями. Но даже это не было самым главным. Основным оставалось наблюдение. На этот предмет Запеканкин мог смотреть вечно. Запеканкин Петр, конечно, не был никаким героем, и представить себе его в этой роли было невозможно. Запеканкин – супермен. Запеканкин – Ромео. Запеканкин – Шрек. Ну-у. Даже в голову такое прийти не может. Никому не может: ни нобелевскому лауреату, ни гондурасскому (о как!) растаману. Но, как один раз в тысячелетие начинается новое тысячелетие, так и здесь произошло непостижимое. Запеканкин влюбился. Что там! Втрескался по уши. Влимонился так, что те, кто всего лишь втюриваются, могут отдыхать себе покойно на гвоздях стопятидесятках. Так вбабахался, что и ломом не отодрать. Прошло два часа, а он даже не сменил своего скрюченного положения, выглядывая робко из-за лестницы. Но что это? Запеканкин поднес к лицу левую руку и посмотрел на нее. Там к пластмассовому совершеннолетнему (шестнадцатый год как-никак) ремешку был привязан на суровую нитку (штырьки крепления давно проржавели) самый настоящий шедевр. Без лицемерия, настоящее произведение. Потому что только оно способно одновременно вызывать всеобщее восхищение и всемерное презрение. На руке Запеканкина, даже не подозре-

вавшего о том, чем он владеет, находилась Электроника-5. Советский запрещенный удар по всяким там Касио, Саньо и Омега. С четырьмя чудесными кнопками, зеленым лягушачьим табло, бледными цифрами и целыми тремя мелодиями для будильника. Да еще был прекрасный секундомер, а у Запеканкина имелась с собой иголка, чтобы переводить время, тыкая что есть силы в нужную ямочку на корпусе. Настоящие любители безусловно оценят сокровище, которым владел невежда Запеканкин. Между тем, справившись о времени, Запеканкин, подхватив елочку, поторопился покинуть свой наблюдательный пункт. Он должен был успеть сбежать домой и снова вернуться на вокзал, потому что сегодня должен был приехать тот, кто, в этом Запеканкин не сомневался ни на мгновение, подтолкнет его к решительным действиям.

Глава 2. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Гостиница была новенькая. Свеженькая. Только-только открылась. Румяное яблочко на созревшей палой листве. В три этажа и с роскошной мансардой. Швейцар в тусклой ливрее съемного кучера, короткополой шляпе и хронически забывающим побриться лицом предупредительно открыл перед Ирмой тяжелую с бронзовыми бляхами дверь. Ирма бросила накопившуюся в кармане мелочь в ловко подставленный ковшик из желтых, напрочь прокуренных пальцев.

– Благодарим покорно – еще ниже склонилась могучая спина: основной источник заработка швейцара.

Thanks, mersi, дзенкуеме и это. это.

Швейцар сбился, мучительно пытаюсь вспомнить.

– Здравствуйте. Вы с багажом? – перед Ирмой появился крепко-накрепко сшитый парнишка в круглой жесткой шапочке.

– Чемодан – ответила Ирма.

Парнишка подхватил чемодан и выставил вперед ковшик. Ирма рассталась с небольшой купюрой. Швейцар прекратил вспоминать и спросил у парнишки.

– Слышь, Гена. Слышь. По – турецки запомятовал совсем?

Парнишка строго ответил.

– Эта твоя функция старик. Смотри, куратор узнает.

– Ты молчи лучше. Скажи лучше как.

– Придумал. Что я тебе среднее звено какое. Это не моя функция. – гордо произнес парнишка, с тем своеобразным шипящим на окончаниях акцентом, которым щедро одаривали город близлежащие села и деревни.

– Прошу вас, госпожа.

– Я бы хотела расплатиться карточкой. Это возможно? – спрашивала Ирма.

– Вы можете осведомиться у портье. Он обладает всей полнотой информации – лихо тарабанил парнишка, и шум чемоданных колесиков был торжественными фанфарами для него и его куратора. В круглом с низкими арками и мраморном полом холле гостиницы было пусто и гулко. Парнишка подвел Ирму к ресепшену, отделанному ромбовидными окошками из слепого с печеной корочкой зеленого стекла. Рядом шелестел подсвечиваемый изнутри полукруглый бассейн. Из протянутой просительно ладони, росшей прямо над бассейном, стекала шумная струйка.

– Мне нужен номер. Недели на две.

Портье – молодой человек, хлесткий и звонкий, как удар бича, отозвался.

– Остались два люкса на третьем этаже.

– Я заплачу сразу за две недели.

– Позвольте – портье принял карточку, вставил ее в аппарат и, пока тот считывал информацию, Ирма честно вы-

держивала зоркий проникающий до печенок взгляд, изрядно натасканный на всевозможных тренингах на всевозможные мошенничества..

– Все в порядке – произнес наконец портье.

– Ваш номер 305. Замок электрический. Бар обновляется каждое утро горничными во время уборки. Ужин и ланч можно заказать в ресторане. Завтрак входит в суточную оплату. Давида брать будете? – спросил портье.

– Простите.

– Дополнительная услуга. Статуя. Точная уменьшенная копия знаменитой скульптуры великого мастера Микелеан-джело – выдал портье без запинки. – Придает дополнительный шарм интерьеру, удачно вписывается в общее дизайнерское решение номера. Это бесплатный бонус для люксовых гостей.

– Раз бонус – с иронией произнесла Ирма – Значит карман не отдавит ваш Давид.

– Именно – улыбнулся портье – Геннадий, проводи. Приятного отдыха.

Номер оказался действительно неплохим. Натоплен, но не до духоты, а уж вылизан так и вовсе до самого— самого укромного местечка. Ирма незамедлительно включила телевизор, всколошматила запроваленную по всем правилам евклидовой геометрии кровать, сбросила пальто на кремовый с кривыми полными ножками диван и приказала ни в коем случае не ставить чемодан в шкаф.

– Бросайте его на пол. Я потом сама разберусь.

– Вам Давида сейчас транспортировать? – Геннадий почтительно замер у входа.

– У вас связь с городом прямая?

– Звоните на ресепшен через ноль. Вас соединят с кем угодно.

– Давайте сейчас. В баре леденчики есть?

– Прошу прощения?

– Леденчики такие с начинкой. Конфетки кисленькие.

– Сейчас уточню.

Опустившись в кресло, Ирма освободила волосы от стягивавшей их в тугий узел широкой дуальной резинки. Изучив содержимое бара, спрятанного в приземистую орехового дерева тумбу с блестящей никелированной ручкой, не скрывая радости в голосе, Геннадий обернулся:

– Спиртовой ассортимент представлен полностью. Два наименования газированных напитков и шоколадных батончиков, а леденчиков нет. Они есть внизу. За отдельную плату.

– Жох, ты Геннадий – Ирма открыла портмоне из мягкой свиной кожи с глубоким и четким оттиском ковбойского гранитного профиля.

– Возьмешь два пакетика.

– Здесь слишком много, госпожа.

– Безусловно, сдачу оставишь себе. Давида не забудь. И не называй меня госпожа. Все. Иди.

После ухода Геннадия Ирма подняла телефонную труб-

ку. Чеканный голос портъе пообещал соединить с нужным номером через несколько минут. Звонок застал Ирму, когда она разбирала чемодан. С некоторым, давно позабытым волнением, она произнесла:

– Гасан Гасанович? Я на месте.

Выслушав продолжительный ответ, во время которого она зацепила пристальным вниманием пружинку телефонного провода, Ирма ответила:

– Нет. Города еще не видела. Наверняка изменился.

Дальше последовала пауза. Ирма начала раскручивать провод, намотанный на палец. В дверь постучали. Ирма поспешила закончить разговор.

– Я буду у вас через час.

Геннадий вкатил в номер передвижную хромированную со стеклянной крышкой этажерку. Наверху этажерки лежал поперек безнадежно черный тубус, снизу стоял деревянный ящик. Геннадий передал Ирме пакетик леденцов, предварительно открыв его. Ирме конфетки понравились.

– Давай, Геннадий. Не разводи руками. Причащайся.

Конфетку Геннадий слопал с удовольствием.

– Статую когда принесешь? – поинтересовалась Ирма.

– Уже. Сейчас наладим – Геннадий вскрыл тубус и вытащил оттуда пук кривых и прямых железных прутов. Несколько раз справляясь в специальной бумажке, но более, по мнению Ирмы, полагаясь на природное чутье, Геннадий выстроил в промежутке между окнами некое сооружение. Снова же,

опираясь лишь, вполне возможно и на предвзятое мнение Ирмы, можно было утверждать, что сооружение (так бывает) напоминало подвыпившие крестьянские грабли. В самом деле, а как еще назвать конструкцию с длинным черенком и двумя загнутыми на концах зубцами? Почему же подвыпившими? Здесь у Ирмы было целых два аргумента. Во-первых, они стояли, опираясь на зубцы, во-вторых, они стояли, опираясь на подвыпившие зубцы. Два железных прута под небольшим углом отходящие от черенка (железного прута подлинней) шли вниз не прямо, а несколько под уклоном в одну сторону, словно черенок еще был трезв и прям, а зубцы уже расслабились. Хряпнули от двухсот тридцати семи до четырехсот пятидесяти пяти на именинах у соседского плуга, но не так задушевно, чтобы раз и кайлу по хайлу, а так, чтобы произвести впечатление на воображалистую фабричной ковки тятку, которая имела на груди, вожденный всяким босяком из мастерской деда Матвея, штампик-брендик. Навек модный «Ростсельмаш». В уникальной, единственной в мире, рамочке. Впрочем, Ирма, как необычная женщина с суровой работой, никогда не спешила с выводами. Был обещан Давид. Она будет его ждать. Геннадий вытащил ящик и открыл его. Среди частей человеческого тела из папье-маше, сложенных аккуратно в ящике, Геннадий для начала отобрал руки и голову. В тубусе оставались два совершенно по — разному извилистых прута. На них Геннадий насадил руки и оставил их на крышке этажерки, причем как и голову.

Перекинув грабли через колено, Геннадий натянул на зубцы две ноги. Легли они ладно, как певучие хромовые, офицерки с длинными носами. Для убедительности, взявшись за черенок, Геннадий несколько раз постучал ими о пол. Держали они прекрасно. На черенок влезло плотно туловище с сухим скрипом. Голова шла следующей. Геннадий воткнул кончик черенка прямо в шею. Оставались руки. Геннадий снова внимательно изучил бумажку и угадал с расстановкой. Правая – символ уверенной силы с четко прорисованной мускулатурой, спокойно опускалась вниз. Согнутая в локте левая с напряженной ложбинкой предплечья – тревожные раздумья человека, его слабая защита от угроз внешнего мира. Геннадий угадал. Как и всякий творец, пусть и с подсказывающей бумажкой, Геннадий не мог не полюбоваться собственным творением. Все части были приделаны ладно, без просветов. Давид был очень похож на себя.

– Жох ты, Геннадий – похвалила Ирма Геннадия.

– Это что – отозвался тот – я вообще предлагал на клей его взять. У меня хороший есть. Я им ботинки подклеиваю. Тогда бы вообще сносу не было. Правда. Я пятый год ношу и хоть бы что, только стельки меняй, они не вечные.

Распрощавшись с Геннадием и вручив ему чаевые, Ирма наскоро умылась и сменила джинсы и белую ангоровую кофту на брючный костюм. Одев пальто, она снова посмотрела на статую.

– Похож, но чего-то не хватает – подумала про себя Ирма.

Используя черный карандаш из косметички, она взяла губы и подбородок Давида в кольцо. С бородкой скульптура понравилась ей больше.

– Попался. – сказала она громко – Точно тебе говорю. Попался.

Сдав ключи портье и, поблагодарив за Давида, она вышла в город. Ирма не была здесь много лет, но город не изменился. Его можно было сравнить с обедневшим, но не потерявшим гонору и заносчивости, шляхтичем. Город остался глубоко провинциальным, но был дворянином. Черт возьми! В нем не было и доли опустившейся расхлябанности мелких райцентров. Его улицы были прямы как мысли. Его лицо пересекала синяя жила реки. Его чувства гнездились на колокольнях его соборов. Его разум скрывался за толстыми стенами Старого Замка. Его честь хранила каменная кифара городского театра. Его болью был незарастающий пустырь на месте взорванного костела. Матерью его была христианская церквушка на холмистом речном берегу. Неказистая, но теплая, как неугасимая лампада. Нежная, как огрубевшая от непосильной работы, материнская рука, ласкающая своего непутевого сына. Люди были под стать своему городу. Не богатые в массе своей, но марку благородства, как и голову всегда держали высоко. Городское настроение создавал рынок. Он стоял на берегу циклопической траншеи с лунной дорожкой рельс на затянутом туманом дне. Края траншеи стягивал асфальтовый мостик с корабельными бор-

тиками. На фоне траншеи мостик казался ненадежным канатом. Само восхождение на него требовало изрядной доли отваги. Тем не менее движение на мосту не затихало. За ним начинались живые ряды. Это не сам рынок, всего лишь его подступы. Здесь торговали без лицензий, наудачу. Рыночные экстремалы раскладывали свой товар прямо на земле. То тут, то там в толкучку, были вкраплены торгующие своим горем. Были привлекательные, возле них крутились людские водоворотики. Безногий афганец у рыночных ворот с выпивающим лицом. Старик в битой молью ушанке и баяном с янтарными клавишами. Дуся. Скрюченный полиэмилитом парень. Дуся не имел пункта постоянной дислокации. Его возили по толкучке на основательной, как царский трон, инвалидной коляске. Дуся счастливо улыбался. Он пользовался успехом. В толпе то и дело возникал нечеловеческий, звериный крик невероятной боли. Крик, венчающий затянувшуюся агонию. Крик, после которого уже ничего не бывает:

– Помогите, Помогите!!!

На Дусю оборачивались, и Дуся смеялся, заходил в восторге. Он был артистом этот Дуся. Но наряду с Дусей были и другие. Молчаливые дети с табличками. Они пугали. У них были косички и молочные зубики, но внутри они были отжившими свое стариками. Толкучка не боялась ни бога, ни черта. Когда появлялась милиция, толкучка не разбежалась, трусливо устраивая панику. Ни в коем случае. Она пропадала, смешивалась с гуляющей толпой и на время затихала.

ла. Всего и делов то. Ирма приближалась к рынку со стороны центральной площади. Улочка, по которой она шла, заканчивалась широкой горловиной. Рынок чувствовался уже здесь. У кафельного, омерзительно гладкого, как змеиная кожа, почтампта сидели на бетонной ограде группки растерянных женщин средних лет. Они торговали цветами и фруктами. Ничего от настоящих торговок не было в этих женщинах. Они никого не зазывали и ничего не предлагали. Они покорно ждали покупателей, покорно сносили их капризы, никогда не обвешивали и не обсчитывали. Скорее их можно было надуть и они ни за что не стали бы протестовать. Ведь наряду с цветами, вместе с бананами, апельсинами и фейхоа, они выносили на продажу и собственную жизнь. Бестолковую бывшую жизнь, давно вышедшую из моды. Народ стекался к мостику. Ирма энергично толкалась, попадая в общий ритм, пока не ступила на мостик. Тот закачался. Ирма замерла. Вздогнула выкрашенная водяной разбавленной лазурью водонапорная башня на противоположном рынке берегу траншеи. Мост начала раскачивать чья-то невидимая, но обладающая исполинской силой, рука.

– Однако – успела произнести Ирма. Что хотела сказать она дальше, не услышали даже соседи, все поглотил, проносющийся с ревом под мостом, состав. По мере удаления поезда мост успокаивался. Ирма не стала ожидать, пока он успокоится вовсе, а сделав несколько широких шагов, ступила на твердую почву. Для начала она прослушала сольный дусин

номер:

– Помогите, помогите!!!

Она оценила его на крепкую троечку. Ирма знавала Дусю в лучшие времена. От противного животного рыка кровь в жилах стыла по-прежнему, но в интонациях был несомненный перебор. Фальшивинка появилась в интонациях. Видимо, жил Дуся совсем не так плохо, как об этом кричал. У вороньего навсегда засохшего дуба, со снежной проседью на ветках играл на гребенке замшевый человек. На самом деле человека звали Дим Димыч. Замшевым его назвал Гасан Гасаныч. «Нужный человек. Он как кусок замши придает лоск всей этой богадельне». Правдивость наблюдения Гасан Гасаныча Ирма оценила тут же.

– Мурку давай. Купола режь – орали некие жлобствующие граждане. Дим Димыч растеряно разводил руками.

– Как можно. Люди же кругом.

Слов не хватало. Замшевый человек редко пользовался словами. Он начинал вступление к Севильскому цирюльнику. Обращался он со своим неказистым инструментом виртуозно. В морозном воздухе гребенка пела жаворонком: хрустально и трепетно. «Удивительно» – думала Ирма – «Прошло одиннадцать лет, а ничего не изменилось. Конечно, они постарели и Дуся, и Дим Димыч, но ведь все те же, словно, ничего и не было, словно я никуда не уезжала. Словно мой конец еще впереди, но я уже знаю о нем». Ирма вошла в раздвижные ворота с чугунными сломанными ребрами. Потя-

нулись рыночные ряды под оцинкованными крышами. Народу прибавилось. Толпа выплюнула Ирму, как надоевшую жвачку, у белого кубика киоска с полу истертым названием: «Дешевые драгоценности». На крыльце ее ожидал Гасан Гасанович. Сразу же приложился к руке и просыпал щедро комплименты.

– Все та же хризантема. Пышное очарование и прекрасная загадка.

– Что вы – улыбнулась Ирма – Я уже практически пенсионерка. Все в прошлом.

– Не говорите так. – притворно ужаснулся Гасан Гасанович.

– Увы, но это правда.

– Позвольте мне, ленинградскому грузину и старому пауку не согласиться. Я знал многих и часто говорил не то, что думаю. Но здесь мне незачем что-либо скрывать.

– И все же позвольте мне с вами не согласиться – Ирма смотрела прямо в молодые блестящие глаза.

– Видите – расцвел Гасан Гасанович – Все та же хризантема. Неуступчивая и прямая. Внутри киоска, вернее небольшого павильона, царил искусственный полумрак. В стеклянных ящиках тускло светились броши, колье и кольца. Давнее увлечение Гасан Гасановича. Из прохода, завешенного нездешним пейзажем из вьетнамской соломки, появилась Манана.

– Ирмочка, дорогая. Как я рада вас видеть.

Ирма ей не верила. Теперь Манана красила волосы, но во всем остальном сохранилась нетронутой. Внешняя комичность толстенной домохозяйки на неуместных высоких каблуках и внутренняя расчетливость и холодность. Однажды, довольно давно, к Гасан Гасанычу приехали партнеры из соседней области. Их было двое: крикливых, пузатых, безголовых и с пистолетами. Гасан Гасаныч принял их за богатым столом. Манана обслуживала мужчин во время обеда. Гасан Гасаныч уповал на вино и разум. Партнеры давили на мозжечок. Грозили и запугивали. Речь шла о каких-то делах вокруг завода химического волокна. В ту пору ценились люди резкие, способные на необдуманный поступок. Гасан Гасаныч не был таким. Он умел и любил планировать. Ирма спокойно дожидалась своего часа на втором этаже. Но все пошло не так как задумывали. После первой перемены блюд, Манана была на кухне, где поспевали на медленном огне сочные манты. Один из приезжих припечатал Гасан Гасаныча головой к столу между бокалом с киндзмараули и тарелкой с охотничьим сыром посыпанным душистой кинзой. В висок Гасана Гасаныча уперся массивный люггер. Второй в это время встал в дверях, ведущих на кухню. Гасан Гасанычу внятно посоветовали, не дергаться и вести себя тихо. Он так и сделал бы, если бы не Манана. Она всадила второму кухонный нож прямо в правую почку, выхватила из поясной расстегнутой кобуры «макаров», и выстрелила точно в голову первому. Ирма успела только увидеть сильную пощечину, которой

Гасан Гасаныч наградил Манану.

– За что вы ее? – вырвалось у Ирмы тогда – Она спасла вам жизнь. Это жестоко.

– Напротив, хризантема, я поступил слишком мягко – отвечал Гасан Гасаныч, оттирая кровавую росу с белоснежной рубашки и черной жилетки.

– Она видела мое унижение. За это она должна была умереть.

С той поры Ирма почувствовала, что Манана ее невзлюбила. Ирма совсем не подавала повода для такого отношения. Пожалуй, кроме одного. Она видела ее унижение. Эту пощечину Манана ей не простила. Они были в кабинете за вьетнамской соломкой. Гасан Гасанович и Манана присели на плюшевую софу. Ирма расположилась напротив в большом и мягком кресле. Вошел Курузак с подносом. Хилый человек с выдающимся носом и мягко-тревожными манерами.

– Рад снова вас видеть вместе с нами, Ирма.

– Как ни грустно, но ваше предсказание оправдалось. – сказала Ирма.

Курузак, расставляющий чашки с чаем, заметил.

– Профессионал всегда вернется к своему поприщу, а вы профессионал отменный.

Поставив чайник и тарелочку с мелкими песочными пирожными, Курузак отошел в тень. Он был казначеем Гасан Гасаныча и абсолютно преданным мамелюком. История бы-

ла темная, впрочем (Ирма поймала себя на мысли) Гасан Гасанович притягивал именно такие истории. Когда то Курузак был другим и любил девушку. По-честному любил, а кроме этого был ревизором и проверял городской рынок, вотчину Гасана Гасаныча. Не то, что бы Курузак был особо бескорыстным или препятствовал деятельности Гасан Гасаныча. Но Гасан Гасанычу нужен был пример для устрашения, для демонстрации безнадежности всех попыток сопротивления. Девушка Курузака пошла и написала заявление об изнасиловании. Курузака посадили. Действительно ли был так болен отец, и срочно были нужны деньги. Действительно ли давно был другой. Этого Курузак не знал, а потом не хотел знать. В колонии ему пришлось бы туго. Такая статья, да еще и сам по себе не стальной характер, но у него появился таинственный покровитель. После освобождения Курузак напрямик направился к Гасан Гасанычу. Тот сказал ему:

– Вот я перед тобой. Я разрушил твою жизнь. Ты можешь убить меня, и будешь прав. Но сначала скажи за что? Ради кого? Ради той, что предала тебя, не задумываясь? Послушай, все мы щепки в этом мире. Ты для меня. Я для кого-то другого. Ты был там и видел, что человек значит для другого человека. Так. Пыль. Вор, укравший лишний кусок. Приятель, который бросит, не задумываясь. Ты был там, где все это обострено до предела, но, поверь, что здесь, под тонким слоем, таится то же самое.

– Где же спасение – прохрипел Курузак.

– По большому счету его нет. Но я могу тебе обещать одно. Если ты не предашь меня, я никогда не предаю тебя.

Курузак и Гасан Гасанович не подвели друг друга.

– Чем же вы занимались все это время, милая? – спросила Манана, сделав несколько глубоких глотков.

– То тем, то этим. В основном пыталась забыть. – ответила Ирма.

– Да – вздохнул Гасан Гасанович – Поступили с вами некрасиво.

– Это в прошлом – сказала Ирма. – Теперь я снова в деле.

– Может быть, хризантема, хотите немного передохнуть? Мой дом в вашем распоряжении.

– Спасибо, я остановилась в «Мечте» этой новой гостинице. Меня все устраивает.

– Эта гостиница – поморщился Гасан Гасанович – Отчасти она виновна в том, что я пригласил вас сюда. Беречь воспоминания.

– Отнюдь. Я вам искренне благодарна. Иногда полезно расправиться со всякими воспоминаниями.

– Вы настроены так решительно? – Гасан Гасанович внимательно посмотрел на Ирму. Седой костлявый ястреб с прохладным сердцем.

– Только в той степени, в которой это не повредит нашему делу – ответила Ирма.

Через некоторое время Гасан Гасанович сказал.

– Я верю вам. Вы говорите искренне.

Он посмотрел на Манану. Та сразу же засобиралась.

– Была рада повидаться. Если что обязательно звоните.

Поцелуй Мананы был так же холоден, как и слова. Несомненно, Манана была в курсе всех дел Гасана Гасаныча, но приличия вынуждали ее покинуть место, где обсуждались чисто мужские дела. Она все узнает, но позже.

– Вы Дудилова помните, хризантема? – задал вопрос Гасан Гасанович.

– Вашего партнера? Конечно. Неужели он объект. Гасан Гасанович я давно не занимаюсь этим.

– Что вы. Теперь не такие времена. Пейте чай. Курузак изумительно его заваривает. Чувствуете тягучесть? Это признак благородных кровей. Да. Так вот в чем загвоздка, хризантема. У нас с Дудиловым, если так можно выразиться концессия на паях и полном доверии. Он на поверхности, олигархствует на благо города, я таюсь в подземельях и на поверхность выхожу только с наступлением сумерек. Все бы ничего, но последнее время я стал чувствовать неискренность с его стороны. Спинным хребтом чую, обманывает. Нет, не подумайте ничего плохого. Он не изменник. И в основном я ему верю. Гостиницу вот надумал прикупить через подставных лиц, а меня в известность не поставил. Еще там по мелочи. Понимаете мне нужно сильнее привязать его к себе, что бы он ясно представлял себе, насколько он слаб без меня. Тут я вспомнил о вас. Вы сделаете все четко и красиво. В этом нет сомнений.

– В чем будет заключаться моя роль?

– Наш общий знакомый из Москвы на днях вместе с сыном передаст деньги. Немного. Около четырехсот тысяч долларов. Но для Дудилова и они праздник. Продавцы отеля настаивают на немедленном заключении сделки еще в этом году. Свободных активов у Дудилова немного, поэтому эту наличность он немедленно пустит в ход. Выплаты будут производиться в несколько этапов. Нас интересует только первый. Это около миллиона наличными. Передача денег намечена на 31 число. Где еще уточним. Знаете, хризантема, я теперь король информации в этом городе. Знаю все и про всех. Курузак держит клининговое агенство. Лучшее в городе. Так что теперь через наших поло и рамо – мылов мы вхожи во все кабинеты. Выслушаем все в надлежащем виде. Вы будете должны подменить кейс с московскими долларами на такой же кейс с фальшивками. Дудилов расплатится с продавцами, в том числе и фальшивками. Те обязательно обнаружат обман. Они турки. У них ножевой удар идет впереди слов. Для решения проблемы Дудилов будет обязан обратиться ко мне. Я ему помощь, конечно, предоставлю, но с определенными гарантиями. Вот и все.

– А ваш общий знакомый не пострадает? Ведь подозрения Дудилова в основном падут на него?

– Ни в коем случае, хризантема. При передаче денег Дудилов обязательно их проверит, можете мне верить. Тем большим будет разочарование.

– Тогда он бросится искать предателя внутри своего окружения.

– Тем лучше. Ослабленный внутренними противоречиями противник, всегда лучше самого сильного союзника.

– Я думала Дудилов ваш союзник?

– Исключительно партнер, хризантема. Так же как и вы. Моих союзников можно пересчитать по пальцам. Манана, Курузак и мое понимание текущего момента.

«А ведь Курузака он отметил только потому, что тот здесь находится». – подумала Ирма – «В другой ситуации бросил бы не задумываясь, психолог».

– А что, если турки погорячатся. Потеряете партнера, Гасан Гасанович.

– Этого не будет.

– Почему вы исключаете такую возможность?

– Видно вы в хорошей форме, хризантема. Так настырны. Хорошо с вами как с партнером буду откровенен. Я с ними договарюсь. Они возьмут себе в качестве возмещения материального ущерба оставшиеся 600 тысяч настоящих долларов. Передадут их хозяину отеля, и бучи никакой поднимать не будут.

– А настоящий хозяин вы?

– От вас не скрыться, хризантема. Вы совершенно правы.

– Но ведь могут возникнуть совсем уж непредвиденные обстоятельства. – сказала Ирма.

Гасан Гасанович добродушно с полным ощущением силы

ответил.

– Даже, если Дудилов наведет на моих турок пушку и силой заставит подписать контракт, у него ничего не выйдет. Подписывать такие документы, мои конфиденты, не правомочны. Как видите, я подстраховался со всех сторон.

Кузурак вышел из тени и разлил оставшийся в чайнике чай по кружкам. Гасан Гасанович поблагодарил его взглядом.

– И все же почему я? – спросила Ирма. – Вы могли бы решить эту проблему самостоятельно.

– Скажем так. Я перед вами в неоплатном долгу за то давнишнее дело. Вы могли сломаться и указать кому надо на наше знакомство. Вы этого не сделали. Я это ценю. Вы знаете, мне почему-то казалось, что вы давно порывались приехать в город, чтобы расставить все точки над «и». Но не решались. Вам нужен был толчок, который убрал бы всякие моральные препоны. Такие вещи не прощаются, хризантема. Я предоставляю вам возможность полностью, до копейки рассчитаться с прошлым. И, кроме этого, неплохо заработать.

– Хорошо – сказала Ирма – Я принимаю ваше предложение.

Довольный Гасан Гасанович откинулся назад.

– А что, Курузак. Там где-то была бутылочка. Манана от меня прятала. С юбилея. Помнишь, Дудилов подарил. Давай-ка ее сюда любезную. Приговорим ее за его здоровье.

С Гасан Гасанычем Ирма распрощалась только через час.

Она уже направлялась к шаткому мостику, чтобы покинуть рынок, когда ее внимание привлекло необычное зрелище. Посреди небольшой интересующейся толпы стоял мальчик, навскидку, лет десяти. В одной руке он крепко держал обычный складной велосипед с аистом на руле. Другой рукой он прижимал полную бутылку шампанского.

– Ты сначала сам попробуй – недоверчиво говорил кто-то из толпы.

– Без обмана дяденька – отвечал мальчик. – Велосипед самый обычный. Кто проедет на нем вон до того дерева, где Дим Димыч стоит. Получит бутылку шампанского.

– Сам попробуй, охломон – недоверчиво отвечали из толпы – Дураков нашел. Скрутил небось руль. Что мы без глаз.

– Подержите, тетенька – попросил мальчик Ирму, передавая ей шампанское. – Разойдись народ. Смертельный номер.

Мальчик оседлал велосипед. Руль действительно свободно вращался. Это обстоятельство никак не могло позволить не то, что ехать на велосипеде, но и вести его за собой, было затруднительно. Тем не менее мальчик доехал до Дим Димыча и вернулся назад под радостный перезвон велосипедного звонка. Толпа ахнула.

– Правила просты – теперь мальчишка диктовал свои условия – Проехаться, не касаясь земли. Заключаю пари, что никто этого не сделает. Ставлю бутылку шампанского. Принимаю равноправную ставку. Цену бутылки.

Дай-ка попробую. Держи сопляк. – русоголовый крепыш

снял с себя дубленку, бросил ее на снег и сунул несколько мятых бумажек мальчику.

– Прямо держитесь, дяденька.

– Другого кого поучи, сопличелло. А нас не надо. Готовь шампанское.

С этими словами крепыш сильно закрутил педали, пошел юзом и смачно грохнулся на землю. Выбираясь из-под велосипеда, под язвительные смешки, крепыш не был так самоуверен как раньше.

– Давай еще.

– Ставлю шампанское. А вы?

– Здесь двести, ты жертва свинки.

Не в этот раз, ни в последующие пять у крепыша ничего не получилось. Он падал спиной, скользил по снегу разгоряченным лицом. Велосипед вцеплялся в него, и он смешно дрыгал ногой, пытаясь отцепиться. Наконец донельзя раздосадованный последним падением, он схватил мальчугана за шиворот.

– Говори секрет, гаденыш. Иначе на куличики разберу.

– Что вы, дяденька – извивался в его руке мальчишка. – Я же ездил.

– Отпустите мальчика – вмешалась Ирма.

– Иди отсюда, короста – выругался, не глядя крепыш. Сегодня был явно не его день. Так иногда случается. За что не возьмешься, все валится из рук. С крепышом дело обстояло именно так. Другое дело Ирма. Уж, если запустит куда руки,

то только держись. Через мгновение крепыш стонал от невыносимой боли, пытаясь вырваться. Ирма крепко держала его между ног. Воспользовавшись свободой, мальчуган вскочил на велосипед.

– Постой – позвала его Ирма – Я хочу с тобой поговорить.

– Не сейчас тетенька. Я потом вас найду.

– Как? Ведь ты меня не знаешь.

Мальчишка победно показал ей мобильный телефон. Он вытащил его у нее, когда передавал бутылку.

– Ах, ты – от неожиданности Ирма выпустила крепыша, и тот незамедлительно бросился на нее с кулаками. Шаткий мир под рыночными небесами воцарился только через несколько секунд. Для этого Ирме пришлось полностью сконцентрироваться на солнечном сплетении своего противника. Такое напряжение было вознаграждено. Крепыш затих на земле по меньшей мере минут на пять. Этого времени мальчугану хватило вполне. Ирма смогла лишь увидеть, как велосипед заворачивает на проспект Космонавтов.

Перед тем как вернуться в гостиницу, Ирма прошлась по магазинам, отметив их необычайную дороговизну и наблюдая предпраздничную суету. Тихой сапой, неслышно и коварно вползал приближающийся праздник в город. Как дустом засыпал конфетти, все лазейки и выходы, отрезая пути к бегству, манил трусливым дрожанием серебряного дождика, пеленал по рукам и ногам мишурой серпантина и обязанностью делать подарки. Особенно неистовствовали его вер-

ные жрицы – домохозяйки. Женщины – частично бальзаковского возраста. Частично потому что только некоторые части их тел полностью соответствовали этой прелестной возрастной категории. К чести этих дам следует добавить, что не всегда это был только макияж. С фанатичным блеском в контактных линзах металась она от прилавка к прилавку, выделявая изящные па ногами, одетыми в модный в этом сезоне целлулоид и не модный, но вечный целлюлит. Атмосфера праздника сгущалась, грозя в самом ближайшем времени разразиться снегопадом похухлых апельсинов, затяжными ливнями шампанского и извержением густой лавы салата Оливье. Ирма наблюдала это воочию. Она вернулась в гостиницу, когда начало смеркаться. Знакомого швейцара уже не было, но портье был все тот же. Он встретил ее приветливо.

– Вам понравился наш город?

– В нем много забавного. – ответила Ирма. – Он не похож на другие города.

– Все гости отмечают, что он имеет собственное, не похожее ни что другое лицо.

– Не буду оригинальна. Я соглашусь с ними. Кстати, чуть не забыла. На днях приезжает мой сын. Я думаю, это не создаст никаких проблем. Он поживет со мной какое-то время.

– Понимаю. Хотите встретить праздник в кругу семьи.

– Вы даже себе не представляете, как вы близки к истине – ответила Ирма портье.

Глава 3. СТРЕНОЖЕННЫЙ АРГАМАК

Гоня холод, Запеканкин вышагивал по чуть спрыснутому девственно чистым снегом перрону. Дойдя до края, он на мгновенье замирал, вглядываясь в черную глухую пасть, скалившуюся синими и красными огнями семафоров, круто оборачивался и шел назад мимо застывших фигурок. Ветра не было. Его поглотила вечерняя морозная мгла. Надвигающаяся ночь пожирала город медленно, растворяя в себе и здания, и людей, и хлесткие монотонные удары вагонных сцепок на запасных путях были шумом ее неумолимых челюстей. Исчез вокзал, оставив после себя лишь тонкие, словно палочки для коктейлей, столбики света, напоминавшие, что когда-то он был здесь. Он слился с тьмой, и тьма приняла его, укрыла своим покровом. Запеканкин шел по декабрьскому вечеру, и следы его подбирала ничем не брезгующая, приближавшаяся ночь. Ночь – время, когда исчезает само время. Ночь – мерило человеческого страха и искренности. Ночь – бесконечное существование всего, что по животному правдиво и чувственно. Ночь— белый день человеческой природы.

Поднятый воротник настывшего кожаного плаща больно

жалил голые щеки. Но Запеканкин не опускал воротник. Он боялся потерять последний барьер, сдерживающий натиск вкрадчивой и настойчивой обольстительницы ночи. Боялся раствориться в ней и полностью отдаться окружавшему его равнодушию. Около получаса назад, если верить огромной капле с циферблатом, что угрожающе нависала над входом в зал ожидания, готовая рухнуть в самый неподходящий момент, Запеканкину было чудо. Невидимый молоточек серебряно прозвенел на невидимом ксилофоне бравурные маршевые такты и явился голос. Голос спешил за покупками и в детский сад, сердился на затянувшийся рабочий день, а потому был предельно сух и сдержан.

– Пригородный дизель-поезд ожидается на 3 путь с опозданием на 10 минут.

Явление голоса заметил не только Запеканкин. На перроне начались разговоры, скользнула пара-тройка шуток, замелькали сигаретные светлячки. Все обратилось в слух и приготовилось к встрече. Сверху, наблюдая человеческую доверчивость, мудрые, мохнатые от мороза звезды снисходительно улыбались. Торжественно прошествовали первые десять минут, прошли вторые, тяжело переваливаясь через деления, брели, пошатываясь, третьи, а вожденной электрички все не было. Запеканкин быстро шел по перрону, стыдливо пряча глаза. Звезды хохотали вовсю. Наименее стойкая часть встречающих давно переместилась в вокзальное помещение, где принялась в невероятных количествах

поглощать одноразовый чай и резиновые, после микроволновки, пирожки или уселась в пластиковые кресла удобно вытянув ноги, судачила с соседями или уткнулась в газеты и журналы или выстаивала у прямоугольного щита электрического расписания, прикованного к расписанному лазурью и строительным золотом вокзальному потолку, пытаюсь постичь магию постоянно меняющихся цифр и букв. Судорожно проглатывались пирожки и чай, наспех пережевывались газетные столбцы и журнальные обложки, а в головах острым топориком засела одна мысль «Когда же? Когда?». Для оставшихся коченеть на перроне этого вопроса не существовало в принципе. Уйти? Признать поражение. Ничуть не бывало. Идти на вокзал, а потом возвращаться. Нет уж. Дураков ищите в другом месте. Несомненно, это были твердые люди. Демонстративно отвернув шись от наглых обманщиков часов, они смотрели прямо перед собой, иногда косясь на недостойно суемящегося Запеканкина. Такие люди не могли задаваться трусливым вопросом «Когда?». Единственное, что могли себе позволить эти скульптуры самообладания и памятники упрямства это робкое, но непробиваемо справедливое «Зачем же? Зачем?» В четверть десятого, когда на часах появились драные плутовские усишки, а руки напрочь примерзли к карманам, Запеканкин решил бежать. Пятясь задом, он нащупывал обледеневшие ступеньки, ведущие прямым с перрона в душное вокзальное тепло. Запеканкин почти добрался до самого верха лестницы, так

и незамеченный стойками, когда вновь явился голос. Он не радовал оригинальностью.

– Пригородный дизель поезд ожидается на третий путь с опозданием на 10 минут.

На голос люди обернулись, отдавая дань скорее привычке, чем вере. Позорная ретирада Запеканкина была замечена стойками. Петру ничего не оставалось, как понуро брести на постылый перрон. Часы остановились, готовясь преодолеть очередную десятиминутку. Запеканкин, насупясь, стоял на перроне. Он опустил воротник, и ночь принялась за него, стирая со своего идеального фона его неправильные очертания. У звезд начиналась истерика. Вдруг, вдалеке раздался, непонятно откуда взявшийся рык смертельно раненного слона. Рев приближался, заставляя насторожиться. С запада на небо прыгнуло крохотное карманное солнце. Светило приближалось степенно и плавно и теперь казалось, что эти затравленные и жалобные звуки издает сама ночь, удивленная и уничтоженная таким скорым появлением своего неизменного победителя. Наконец прожектор во лбу электрички достал рассеянным светом перрон и находящихся на нем людей. Недотроги двери на фотоэлементах выпустили из вокзала жидкую струйку, моментально растекшуюся по перрону.

– Во-он. Во-он. В первом вагоне рукой машет.

– Да не вижу. Где?

– Деточка, помаши рукой папе. Не моей шляпкой, а своей ручкой, растяпа.

– Лысый. Вместе. Лы-сый. Мы здесь. Здесь.

– Петр Никандрыч. Петр Никандрыч.

– Чего орешь. Здесь я.

– Все равно не вижу.

– А чернота с грохотом и стуком рождала все новые и новые синие с белым позументом вагоны. Электричку в последний раз сильно трянуло, швырнуло назад и вперед, со змеиным шипеньем разошлись вагонные створки и...

– Да не стойте на проходе. Что за люди дайте ж сойти.

– Вон. Во-он он. Сашка. Мы здесь.

– Хоть убейте не вижу.

– Внучок-то. Петр Никандрыч. Внучок то наш как вырос.

– Дайте-ка расцелую.

– Не понимаю я Софья Петровна вашей сентиментальности.

– Внучок зачем же с бабушкой так.

– Значит прижимайся ухом. Сначала ко мне, а потом рванем к Марго на чачлык. Не поверишь, она так постарела.

– Ба-а-тю-уушки ж мои. Сделается же такое. Ну не вижу я, не вижу.

Запеканкин бегал от одного вагона к другому, натываясь на хаотичный беспорядок из ручной клади и целующихся парочек. Устав изображать собаку, потерявшую хозяина, Запеканкин занял позицию у головы состава и принялся терпеливо ждать. Меж тем оживший на время перрон умирал. Подхватив поклажу, люди спешили покинуть негостеприимную

полоску асфальта, скупое припудренную снегом. Продвину-
тые и обеспеченные направлялись к стоянке такси, бедные
или прижимистые к автобусной остановке, наивно полагая,
что их там тоже встретят с распростертыми объятьями. Ко-
гда перрон опустел совершенно, а Запеканкин начинал по-
думывать о том, что снова что-то перепутал, из ближайшего
к нему тамбура послышались звуки борьбы. Звуки нараста-
ли, пока не оборвались визгливым фальцетом.

– Да отстань ты.

Вслед за этим из тамбура вылетели два дряблых дорож-
ных баула и приземлились рядом с Запеканкиным. Не да-
вая Запеканкину передышки, вслед за баулами на истоптан-
ный перронный снег вывалилась роскошная переливчатая
шуба на черно-бурых хвостах. Какое-то время Запеканкин
рассматривал свалившееся чуть ли не на голову добро. Ба-
улы, как и положено баулам, вели себя самым надлежащим
образом. Они не пели и не плясали, не рвались с наглыми
жалобами к начальнику вокзала. Как и положено настоящим
баулам они недвижимо стояли на месте. И все равно было
этим баулам, где стоять. Здесь или на багажной полке. Но
шуба. Шуба повела себя иначе. Она начала шевелиться. По
шубе пробежало дрожанье и поднатужившись она разроди-
лась парой крепких, с квадратными носами, коричневых бо-
тинок. На этом неугомонная шуба не остановилась. Что-то
рвало и тормозило шубу изнутри, пытаясь вырваться нару-
жу. Новорожденные ботинки по мере сил участвовали в этом

процессе, ожесточенно скребя асфальт каблуками. Прошло еще какое-то время и к внутреннему торможению, добавились глухие стоны. Что-то новое шло в этот мир. Неизведанное что-то. Запеканкин подумал о бегстве от взбесившейся шубы, когда стоны усилились многократно, а из шубы проклюнулась голова в взлохмаченных жгуче-смоляных кудрях.

– Антоша— удивленно выдавил из себя Запеканкин.

– Tu as raison, mon cher ami. Tu as raison— вдобавок ко всему, невообразимая голова разговаривала по— французски.

От законного обморока Запеканкина следующее утверждение странного существа с шубейным туловищем.

– На вашем месте, молодой человек, я бы помог девушке подняться.

Запеканкин согласно повернулся и пошел по перрону.

– Черт. Запеканкин ты куда – начала сердиться голова.

– Девушку искать – честно признался Запеканкин.

– Олух. Я говорю, помоги мне.

Поднявшись, Антон Фиалка с шумом втянул воздух.

– Холодно – определил Антон. Из шубейных недр была извлечена жесткая стетсоновская шляпа, украшенная у подножья тульи акульими зубами. Посадив шляпу на затылок, Антон схватил Запеканкина за руку и потащил за собой.

– За мной Петр.

Упираясь, Запеканкин несмело трепетал.

– Антоша. А как же ... – и оглядывался на забытые баулы.

– Гражданин. Ваши вещи – в проеме тамбура показался синий железнодорожный мундир.

– Себе возьми. Вместо штрафа – не оборачиваясь, крикнул Антон.

На стоянке такси Антон придиричливо оглядел представленный ассортимент и остановил свой выбор на пышной, но в рамках, темно-зеленой Ауди-100. Под стать машине был и таксист. Смурной дядя, налитый железной боцманской полнотой.

– Куда едем друг? – хищно улыбнулся таксист.

Антон смерил его презрительным взглядом.

– Je ne comprend pas.

– Понял. Француз? – спросил таксист у Запеканкина.

Петр хотел ответить, но его перебил Фиалка.

– Чужеземец – туманно объяснил он— Горького 8 пожалуйста.

Машина завелась и, осторожно расталкивая другие такси, начала выбираться на дорогу. Из неисчерпаемой шубы Фиалка извлек немаленький кейс с кодовым замочком и с трудом перебросил его Запеканкину на заднее сиденье. Потом повернул в свою сторону зеркальце и небрежно взбил рассыпавшиеся волосы. Из массивного портсигара с монограммой, Фиалка достал нестандартно длинную сигарету, постучал ей по крышке и блаженно закурил. Таксист поглядывал на Антона и понимающе улыбался.

– Чего ухмыляешься дед – спросил Антон— Покурить хо-

чешь. На. Рекомендую. Мало что эксклюзив, так еще и действительно бездна удовольствия.

Таксист отрицательно покачал головой и продолжая улыбаться, коротко сказал, объясняя для себя все.

– Столица.

– А с чего ты взял, что я из столицы. – недоуменно спросил Антон. – У меня что на лбу написано?

– Видно – отвечал хитрюга.

– Откуда?

Таксист, неприступная крепость, улыбался, презрительно покачивая головой. Антон начал заводиться. Он повернулся вполборота, поджав под себя ногу.

– Нет ты ответь. С чего ты взял, что я из столицы.

– Видно— на приступ непокорная крепость отвечала просто, но эффективно. Кипяточком.

– Откуда – штурм продолжался.

– Видно.

– Я спрашиваю откуда?

– Видно – ряды бойцов редели, иссякло продовольствие, но крепость держалась. Запеканкин с интересом наблюдал за возникшей перебранкой. Привыкший к чудачествам Фиалки он ничему не удивлялся. Раз в два месяца Фиалка ездил в столицу и всегда возвращался какой-то новый. Зачем он ездит туда этот человек без прошлого, появившийся в городе, как чертик из табакерки пару лет назад? Объяснение: «у меня на Москве папа» устраивало непривередливого Запекан-

кина полностью. Несомненно одно, с каждой новой черточкой, с каждой новой надстройкой в свой многоэтажный характер привозил Антон назад и самого себя целиком, в сути своей энергичного, эксцентричного и глубоко противоречивого. А баталия продолжалась.

– Ты мне можешь сказать. Да оторвись ты от своей баранки. Откуда ты это взял.

– Видно.

– Видно?

– Видно. – каленые ядра и горючие стрелы сыпались на головы мужественных защитников. По приставным лестницам ползли разъяренные орды завоевателей, зажав в зубах кривые сабли и прикрыв жирные, отъевшиеся в несправедливых набегах спины, круглыми кожаными щитами. Но на смену погибшим мужьям и отцам вставали гордые жены и дочери. И крепость держалась. Ни слова упрека, ни мольбы о пощаде. Фиалка замолчал. Отвернувшись от таксиста, он делал короткие и глубокие затяжки, демонстративно смахивая пепел мимо пепельницы. Молчание затягивалось. Зная Фиалку, Запеканкин ожидал бурю. Он физически осязал, словно пальпировал, клокочущее, бурлящее естество Антона. Но первыми сдали нервы у таксиста.

– Павлины в курятнике. Все кобенитесь.

– А-а-а – радостно заверещал Антон— Попался, маримоя зализанная.

Через вырытый подземный ход, тайно и коварно, ворва-

лись в ослабевшую от голода и многомесячной осады крепость завоеватели. Торжествовали на покоренных пепелищах. Пировали на обугленных костях. Три дня и три ночи продолжался необузданный грабеж.

– Попался. Попался. Попался. – восторженно пел Антон.

А на утро третьего дня опьянение триумфа сменилось тяжким похмельем быта. С побежденными нужно было, как-то жить. Отвеселившись, но все еще всхлипывая, (смех из Антона выплескивался как нежный балтийский прибой) Антон примиряющее похлопал таксиста по плечу.

– Ты дедун, вот что. Ты не расстраивайся. Я тебе одно скажу. Не все про нас ты знаешь.

– А я тебе, столица, второе – ответил неуступчивый таксист – Тут и знать ничего не надо. На вас глянешь и все. Павлины. Они павлины и есть.

– Я делаю вывод, что шуба моя тебе не понравилась – расстроено сказал Антон – А ведь стиль. Элегантно. Последний писк так сказать.

– Во-во за этим только и гонитесь. Как бы соответствовать, а пуповину с землей порвали. Вот и летаете неприкажные.

– А у тебя как вижу, все утрамбовалось. Живешь гладко и пьешь сладко. Семья, дача и внуки пошли?

– Внучка.

– Я и говорю. Гараж построил, дачу под последний венец подвел, и монтировка у тебя имеется.

– А как же. В любом деле без нее родимой никуда. Где надо кому надо мозги вправить.

Следующую часть пути они провели в молчании. Правда иногда Антон удивленно вздрагивал и говорил сам себе «Подумаешь монтировка» А Запеканкину просто было хорошо. Ему хотелось ехать вот так, слушать Антона и таксиста философа. Вдыхать бензиновый воздух с домеском лесного дозедоранта от маленькой сосенки, что болталась на проволочке рядом с таксистом. Изрядно намерзшись на перроне и теперь очутившись в блаженном тепле, размягченный им до возможности остро чувствовать некоторые самые важные по его мнению моменты, он был благодарен за это Антону. Ему и в голову не могло прийти, что предыдущими страданиями он обязан именно Фиалке. Нет. Запеканкин, на свою беду, мог только благодарить. Таксист плавно выжал тормоз.

– Приехали, столица.

– Что? Ах, да Уже приехали?

– Горького 8.

– Слушай, дедун – говорил Фиалка, пытаясь нашарить в своей бескрайней, как песнь ямщика, как скучнейшее полотно ненецкой тундры, шубе бумажник. – Дай на инструмент твой глянуть. Веришь. Спать не буду, если не погляжу на него.

– Чего на нее смотреть. Монтировка как монтировка.

– Покажи а? Я тебе денег приплачу.

– Столица, столица – вздохнул таксист. Он сунул руку

между креслом и рычагом ручного тормоза и извлек оттуда монтировку. С восхищением принял ее Антон.

– Надо же так вот ты какой. Жизненный стержень. Альфа и Омега. Слушай, продай а?

– Чего удумал. Мне самому нужна – таксист потянулся за монтировкой. Антон тут же спрятал ее в шубу.

– Продай. 50 долларов дам.

– Смеешься ты, столица. Это за монтировку.

– Ты себе еще найдешь – Антон приобнял таксиста и настойчиво засовывал ему в нагрудный карман деньги.

– Э-э, бог с тобой бери – наконец согласился таксист.

– Спасибо, дедун. Ты даже после первого раза не был так счастлив как я сейчас.

– Это из-за монтировки что ли?

– И не только – Фиалка интимно склонился к таксисту – Ты мне дедун сразу понравился.

– Но, но ты это – таксист отстранился, вжимаясь в дверцу.

Антон подвинулся вслед за ним.

– Ты не обижайся, дедун. Всегда будут нужны, такие как вы и такие как мы. Чугунный закон равновесия и мира. И мы вам будем нужнее, чем мы вам.

– Как это – спросил озадаченный таксист, несмело пытавшийся снять руку Антона со своего плеча. Антон не поддавался.

– А на ком вы будете срывать свою злость? – шептал Антон, все теснее прижимаясь к таксисту – Если что-то не будет

получаться. Единение с землей штука тонкая, а вдруг что-то не получится. Мы тут как тут. О-па встречай нас. Поливай грязью. И вам хорошо и нам не сладко.

Со стороны было забавно наблюдать, как Антон играл обольстителя. Жестокого, перешибающего все препоны. Так бесформенная в полнеба туча напозает на легкое барашковое облачко с одной целью: смять, покорить уничтожить. И таксист потерялся. Гипнотизируемый неистовым Антоном, он превратился в пухленькую (и куда девалась боцманская полнота) беленькую монашку, трепещущую в руках властного и распутного андалузского идадьго.

– Единственное, что может нас спасти – сверкнул глазами Антон – подарить единение, избавить от вековой классовой вражды неудачников и счастливых. Дать недостижимую гармонию отношений, не опошленную постылой рутинной бытия. Подарить нам Эдем, где босые ноги и утренняя прохладная роса, воспринимаются не как что-то противоестественное, а данное высшими силами необходимое благо. Где фиговый листок всего лишь деталь костюма, а не лицемерный фетиш, привлекающий злое слюнявое внимание к простоте, превращающейся в похоть. И это единственное, затасканное, но все еще великое и недостижимое в своем забвении, пересыпанное нафталином чувство. Это...

– Что? – затравленно шепнул таксист.

– Это. – Антон двумя руками охватил шею таксиста. Теперь их лица были совсем рядом.

– О-о-о – простонал Антон – Любовь. – наконец выдохнул он. Антон произнес это слово так, словно им пробил плотину, сдерживающую могучий поток, теперь выпущенный на свободу. Внезапно Антон открыл рот, высунул язык и развязно пощекотал напряженный потный лоб. Таксист был раздавлен. Он начал тихонько подвывать.

– Любовь – страстно шептал Антон, отодвигаясь – Любовь, мой милый. Только любовь. Проказник не удержался и послал таксисту воздушный поцелуй. Потом осторожно открыл дверцу и коротко приказал Запеканкину.

– За мной Петр.

Они подходили к подъезду, когда из покинутой ими машины раздался одинокий крик. Крик был настолько одинок в этом мире, что редкие прохожие даже не обернулись, а еще быстрее заспешили по своим делам. Но Фиалка и Запеканкин остановились. Таксисту удалось стряхнуть Антоновы чары. Децибелы его обиды и гнева достигли ушей Антона и Петра.

– Какая мощь – сказал Фиалка – Вот уж действительно флаг на ветру.

– Шалава – загибался таксист – Убью тварь.

– Может быть пойдем, Антоша – тронул Запеканкин шубейное плечо. – Вдруг бросится.

– Не бросится. Я предусмотрел такое развитие событий и отобрал у него уверенность – отвинув полу шубы, Антон показал Запеканкину черную головку монтировки похожую

на змеиную головку. В подтверждение слов Фиалки машина завелась и сердито заурчала. Они наблюдали как машина уносила своего разъяренного хозяина, исчезая в городских хитросплетениях.

– Уверенность – совсем нелишняя вещь в наше время, Петр – изрек Фиалка, поигрывая монтировкой. Он широко размахнулся. Пролетев по изогнутой параболе монтировка вонзилась в один из сугробов, что росли в палисаднике у дома Фиалки. Покончив с кодовым замком, Фиалка отворил железную дверь и впустил Запеканкина в парадное. Они прошли мимо прожорливых почтовых ящиков, их открытые щели напоминали рты вечно голодных птенцов и начали подниматься по лестнице. Антон Фиалка презирал лифты.

– Я проецирую на них синдром спичечного коробка и понимаю, что все намного хуже. У стандартной спички всегда имеется шанс сгореть, но сгореть отдельно, по-своему изогнуться и во всю ивановскую. Закупоренные в остановившемся лифте, мы не имеем такой возможности. Извини, никто не подвинется. Коллективно и бессознательно полетим в метафизическую реальность. А я не хочу коллективно, не хочу бессознательно. Я читал Ницше, я грыз Хайека, в конце концов, я могу нижней губой достать до кончика носа. Кто еще так может? Вообще, боюсь я лифтов, если честно.

Врожденная толика хрипотцы ничуть не уродовала низкий с удачно поставленным тембром голос Фиалки. Напротив она придавала ему неповторимый шарм и обаяние. За-

пеканкин не всегда вполне отдавал себе отчет в том, что говорил Фиалка. Немудрено было запутаться в дебрях фраз, терминов, аллегорий и метафор, куда не задумываясь бросал Антон Петра. Но слушал Фиалку Запенканкин всегда с удовольствием. Если Антон своими речами упивался, то Запеканкин, что называется, пил их мелкими обжигающими глотками, как круто заваренный с ноздреватой пенкой кофе, ощущая вкус, но не понимая способа приготовления.

– После довольно продолжительной разлуки мы видимся с тобой не более трех четвертей часа, а я успел преподавать тебе два урока, два наблюдения, две ситуации обхождения с таким гибким и ускользающим из рук ваятеля материалом как человек. Поверь Запеканкин, было бы грустно считать, что ты, я, остальные – система, расчерченная таблица, где все давно известно и понятно. Наши деяния и наши чувства рациональны и запрограммированы. Гнев, милосердие, справедливость гордыня и чревоугодие – объясняются как химические реакции. Алкалоиды, вступают в реакцию с не алкалоидами, женятся, живут и расходятся. И эти песчинки, эта плесень, видимая только под микроскопом, имеет надо мной власть. Надо мной. Мне грустно это осознавать, Петр. Пусть это и правда. Но я не хочу такой правды. Удивительно. – брезгливо фыркнул Антон будто угостившись какой-то неприятной гадостью. Тысяча лет цивилизации и к какому мы пришли выводу. Все зависит от микроба. Бр-р. Противно слышать. Петр. Пойми и поверь, жестоко не хочу я быть

вскипятившейся кастрюлей с серой накипью страстей. Мы рождены, мне кажется, для большего. Потому и в общении я полагаюсь не на так называемые примеры и выписки из учебных талмудов. Мое оружие – это природное, доставшееся от предков чутье. Я не упертый догматик и не схоластик. Я – эмпирик. Поскальзываясь на банановой кожуре эксперимента, я смело иду вперед, торя свой путь. Здесь я остановлюсь и обращусь к антропологии, чтобы разъяснить мою позицию более подробно. Ты позволишь мне Петр?

– Да-да Антоша – Запеканкин очнулся от нирванического состояния полнейшей прострации, в которое он погружался всякий раз как Антон начинал разглагольствовать. Они поднялись на шестой этаж и стояли перед незакрытым переполненным мусоропроводом. Фиалка не обращал внимания на мерзкий запах. Где-то далеко, в другом измерении, гудел лифт и пищали от натуги его провода. Из квартир доносились голоса и музыка. Накладываясь друг на друга они создавали ощущение другого еще более мерзкого запаха. Это невозможно было объяснить, но Запеканкин чувствовал именно так. У него начала кружиться голова.

– Я польщен – сказал Антон и они двинулись дальше. Запеканкин облегченно вздохнул.

– Итак, мы живем в интереснейшую эпоху Петр. В эпоху, когда в идеально совершенную и идеальную, казалось бы навеки законченную цепочку, созданную титаническими усилиями Спенсера и Дарвина. В цепь человеческого роста, а

это единственная научная схема, таблица, цепочка, которую я признаю, настойчиво вторгается новое звено. Его еще никто не видит, никто не бьет тревогу, но оно рядом, оно практически здесь. Да. Да. На смену морально и физически устаревшему хомо сапиенсу грядет новый зверь. Хомо макина. Что такое робот, Петр – внезапно спросил Фиалка.

– Ну-у – протянул Запеканкин – Железяка.

Отчасти согласен. Чапек, чешский писатель, впервые введший это понятие, думал так же. Но давай разберемся. Возьмем так сказать продольно, а не поперек. В сути своей робот машина, созданная для исполнения ряда функций. Робот-домохозяйка. Робот-космонавт и политик. Единственное чего у них нет – это возможность изменить свою судьбу. Во всех фантастических произведениях роботы бунтуют, набравшись человечности и стремятся как одержимые повесить на себя тяжкое ярмо свободы выбора. Значит, заканчиваю я робот – это не железная рука как ты возможно думаешь. Робот – это железные мозги. Что же происходит сейчас. Достаточно пристально взглянуть. Происходит непоправимое превращение человека в робота. Наши мозги вместе с понижением процентов по потребительским кредитам получают все больше железа. Мы лишаемся выбора Петр. Мы выбираем только то, что предлагают, но мы не знаем, кто формирует предложение, а значит наше мироощущение, Петр.

Вот тебе еще цепь. Семья-школа-армия-вуз-семья-работа-смерть. Прямая, до кислоты дорога. Можно оригинальни-

чать в смене отправных точек: смерть-армия школа семья или школа вуз армия смерть работа. Можно перемещать их до бесконечности, но это не изменит сути. Дорога выбранная нами прямая. На зигзаг осмеливаются лишь единицы. Мы поем осанну техническому прогрессу. Мы считаем, что облегчили себе жизнь, но усложняем ее нашим потомкам. Им придется бунтовать, чтобы снова стать людьми. В этом вижу прогресс, в отрицании смертельной традиции. А роботехника после этого тупиковый процесс. Но верю. Верю – внезапно загрохотал Антон – Горит еще Прометеев огонь. Пламя его не погасло. – бросал с вызовом Антон, обращаясь к закрытым квартирам, к электрощитку и Запеканкину. – Наша задача, mon frere отыскать его. Освободить инстинкты и дать им гореть так как они того пожелают. Затухнуть или разгореться синим пламенем. Теперь – продолжил Антон, когда немного отдышался – вернемся к тому, с чего начали. Где мои ключи? Вот. Открой, пожалуйста, Петр. – он протянул Запеканкину ключи – И передай мне кейс. Благодарю. Я взял двух людей: разных по возрасту, положению и достатку. Поставил в равные условия. Первое: баулы и синий мундир. Приснопамятные баулы. Это мое поражение. Признаю. Разбит в пух и прах. Но это и моя победа – воскликнул Фиалка. Вера моя напиталась и приобрела большую силу. Я все отвлекаюсь. Ты прости. Ты сожалеешь о баулах, а я горжусь синим мундиром. Как крушил я его, как травил. Что таксист. Так жалкий мазок ремесленника. А мундир? О, это скала.

Мы провели с ним три часа. Три часа терзал я его. «Ваш билет. Нет у меня билета. Штраф пожалуйста. Пожалуйста. В валюте не принимаем. Сходите. Не сойду. Не трогайте меня я вас укушу» – Фиалка рассмеялся, вспоминая происшедшее. – А ты говоришь баулы. Тапочки возьми... Как обычно на прежнем месте. Какой же ты бестолковый. Шубу мою повесь. Тра-та-та. Вот мы и дома. Запеканкин переобувался, а Фиалка уже кричал из ванной, заглушая шум воды. – У него, наверное, жена на группе, сын оболтус и дочь проститутка, а как крепок. Как крепок. – восторгался Фиалка. Он появился из ванной с полосатым махровым полотенцем. Вытирая шею, лицо и волосы Фиалка продолжал говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.